

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 27

PEHOME

Санкт-Петербург
2025

Редколлегия:

- И. И. Елисеева*, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф.,
засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
С. И. Бояркина, канд. соц. наук (Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого (СПбПУ));
О. Н. Бурмыкина, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
К. А. Галкин, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
К. С. Дивисенко, канд. соц. наук (зам. гл. ред., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Н. В. Колесник, канд. соц. наук (отв. секретарь, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»);
С. Маннила, PhD (Национальный институт
здоровья и благосостояния, Хельсинки, Финляндия);
М. В. Масловский, д-р соц. наук, проф. (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Д. Б. Тев, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Е. В. Тыканова, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
И. Шубрт, д-р соц. наук, доцент
(Карлов университет, Прага, Чехия)

Editorial board:

- Irina I. Eliseeva* (Doctor of Economics, Professor, Corr. Member of the RAS,
editor in chief, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Saniya I. Boyarkina (PhD, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University);
Olga N. Burmykina (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Konstantin A. Galkin (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Konstantin S. Divisenko (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Natalia V. Kolesnik (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS; HSE University);
Simo Mannila (PhD, Terveyden JA hyvinvoinnin laitos — National Institute
for Health and Welfare, Helsinki, Finland);
Mikhail V. Maslovsky (Doctor of Sociology, professor, Sociological Institute
of FCTAS RAS);
Jiří Šubrt (professor, Charles University, Prague, Czech Republic);
Denis B. Tev (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Elena V. Tykanova (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS).

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

EDN: FNYEDE

Научное периодическое издание

«Петербургская социология сегодня» выходит с 2009 года.

Периодичность: четыре номера в год (до 2023 г. — два номера в год).

Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Регистрационный номер СМИ: ПИ № ФС 77-55387 от 17.09.2013 г.

ISSN 2308-3166

© Авторы статей, материалов, 2025

© ФНИСЦ РАН, 2025

© Оригинал-макет. ООО «Реноме», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

In Memoriam

<i>Кротов П. П., Лыткина Т. С., Ярошенко С. С.</i> Памяти Майкла Буравого (15.06.1947–03.02.2025). Майкл Буравой для социологического сообщества в России: преодолевая границы	5
--	---

Социология культуры

<i>Бухарова А. С.</i> Гендерные предубеждения в художественной критике в России в XXI веке	14
--	----

Социология города / Человек и среда обитания

<i>Пархоменко Д. Д.</i> Современное пространство города: анализ топонимической политики Санкт-Петербурга за 2013–2023 гг.	41
--	----

Социология труда и организаций

<i>Ляпин И. В.</i> Показатели заработной платы, состав и географическое распределение вакансий в российских городах	74
---	----

Индивид, семья, общество

<i>Столь А. В.</i> Подходы к оценке эффективности наставничества воспитанников детских домов	88
--	----

Научная жизнь

<i>Еремичева Г. В., Меньшикова Г. А., Галкин К. А.</i> Обзор секции «Технологическая сингуляция: реальность или утопия, и как в ней самореализоваться молодежи» Санкт-Петербургского международного форума труда — 2025	101
---	-----

Рецензии

<i>Александров М. А.</i> Провинциальные сообщества в современной России. Рецензия на книгу: <i>Плюснин Ю. М.</i> Социальная структура провинциального общества. М.: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022. 448 с. ISBN 978-5-6046947-6-3	108
--	-----

CONTENTS

In Memoriam

- Krotov P. P., Lytkina T. S., Yaroshenko S. S.* In Memoriam Michael Burawoy (15.06.1947–03.02.2025). Michael Burawoy for the Sociological Community in Russia: Transcending Borders 5

Sociology of Culture

- Bukharova A. S.* Gender Bias in Art Criticism in Russia in 21st century . . . 14

Urban Sociology / Man and Environment

- Parkhomenko D. D.* Contemporary Urban Space: Analysis of the St. Petersburg Toponymic Policy in 2013–2023 41

Labor and Organization Sociology

- Lyapin I. V.* Salary indicators, job posting composition across cities in Russia 74

Individual, Family, Society

- Stol A. V.* Approaches to Assessing the Effectiveness of Mentoring for Children from Orphanages 88

Scientific Life

- Eremicheva G. V., Menshikova G. A., Galkin K. A.* Review of the section “Technological Singularity: Reality or utopia, and how young people can self-actualize in it” St. Petersburg International Labor Forum — 2025 101

Reviews

- Aleksandrov M. A.* Provincial Communities in Modern Russia. Book Review: *Plyusnin Yu. M.* Social Structure of Provincial Society. — Moscow: Common Place; Social Research Foundation “Khamovniki”, 2022. — 448 p. ISBN 978-5-6046947-6-3 108

IN MEMORIAM

DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.jkf4-5e86

EDN: DDCPNG

УДК 316(092)

*Павел Петрович Кротов*¹,
*Татьяна Степановна Лыткина*²,
*Светлана Сергеевна Ярошенко*³

¹ *Фонд Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия*

² *Коми научный центр РАН, Сыктывкар, Россия*

³ *Независимая исследовательница, Санкт-Петербург, Россия*

**Памяти Майкла Буравого
(15.06.1947–03.02.2025)**

МАЙКЛ БУРАВОЙ ДЛЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В РОССИИ: ПРЕОДОЛЕВАЯ ГРАНИЦЫ

Ссылка для цитирования: Кротов П. П., Лыткина Т. С., Ярошенко С. С. Памяти Майкла Буравого (15.06.1947–03.02.2025) // Петербургская социология сегодня. — 2025. — № 27. — С. 5–13. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.jkf4-5e86; EDN: DDCPNG

3 февраля 2025 г. трагически ушел из жизни Майкл Буравой, почетный профессор Калифорнийского университета в Беркли, глубокий социальный мыслитель нашего времени, один из основоположников социологического марксизма. Талантливый исследователь, социолог по призванию. Наш друг, учитель и коллега. Ему было всего 77 лет.

Результаты его работы и деятельной жизни еще долго будут привлекать к себе внимание равнодушных к тому, как развивается неолиберальный капитализм и как хрупкое гражданское общество в разных странах защищается от давления рынков и государств. Наша задача и стремление в этом своем кратком эссе памяти лишь начать разговор, обозначив пунктиром часть жизненной истории, связанной с нами

и Россией, одного Человека, социолога-гуманиста, подвижника. Нам важно рассказать о том, как он стремился реконструировать марксизм, стараясь усилить эмансипационный потенциал социологического знания и повышая чувствительность разных социологов к актуальным проблемам социального неравенства, и о том, какое влияние он оказал на нас лично, а также какие ожидания связывал с развитием российской социологии.

В далеком 1986 г. — на заре перестройки — он приехал в Москву вместе с Эриком Олином Райтом, чтобы обсудить с советскими социологами из Института социологии АН СССР организацию опроса о классовом сознании советских граждан в рамках сравнительного исследования социальных структур в США и СССР. После десяти дней *«досадных, но весьма показательных»* переговоров, проявивших разницу в восприятии сторонами ключевых марксистских категорий, каждый из них принял для себя решение о том, как дальше развивать научную и публичную дискуссию о роли рабочего класса в *текущей* истории, о позиции и месте интеллектуалов в меняющемся обществе, в социальной жизни. Эрик Райт больше не приезжал в Россию. Майкл, напротив, задумался о возможности проведения развернутого монографического исследования на советском производстве, аналогично тому, что он проводил в Венгрии.

Поэтому он вновь приехал в Россию летом 1990 г. по приглашению Нины Владимировны Андреевской, чтобы провести десять дней на реке Волге, читая на теплоходе лекции индустриальным социологам и работникам отделов кадров промышленных предприятий со всей страны. Среди организаторов социологического круиза был и аспирант Н. В. Андреевской — Павел Кротов, наш коллега из Коми научного центра РАН. Именно он не только проявил *«этнографический инстинкт»*, но и увлек известного профессора социологии перспективами изучения организации труда на северном заводе. В итоге зимой 1991 г. Майкл сначала познакомился с ситуацией на московской резиновой фабрике, где Кэти Хэндли проводила консалтинговый проект по реструктуризации управления государственным предприятием. Затем в качестве социологического исследования для развернутого изучения случая летом этого же года было выбрано промышленное предприятие Сыктывкара, куда он устроился работать простым слесарем, тогда как Павел Кротов брал интервью у менеджеров. Кроме того, каждое лето с 1992 по 1994 г. по несколько недель они проводили и в Воркуте, где довольно противоречиво развивалось шахтерское движение, а направления реформирования государственного социализма навязывались сторонниками рыночных реформ. Социологическое исследование на всех 12 шахтах угольного бассейна шло параллельно проекту Всемирного банка по оптимизации шахт. Выводы, которые делали социологи, отличались от выводов экономистов. Социологи показывали негативные последствия шоковой терапии и на общество, и на развитие социально-экономической среды. Промышленные предприятия закрывались одно за другим, рабочих сокращали, выгоняли в административные отпуска, а заработную плату не выплачивали, иногда выдавая ее продуктами питания, цены на которые были значительно выше, чем на прилавках магазинов.

Сложившаяся ситуация определила дальнейший путь исследования, сместившийся с предприятий в домохозяйства. В 1994 г. Татьяна Лыткина впервые вошла в семьи рабочих того же предприятия, где когда-то работал Майкл. Некоторые из них продолжали работать, несмотря на все сложности внутри организации, другие попали под сокращения или уволились сами в поисках стабильных источников дохода. Важно было понять, как сами рабочие оценивают ситуацию, в которой они оказались на производстве, в домохозяйствах и стране в целом. Исследование переросло в изучение жизненных стратегий того, как семьи справляются с материальными нуждами в период перехода страны к рынку. Майкл часто сопровождал Татьяну Лыткину, присутствовал

во время интервью, сознавая сложности, которые могут возникнуть с появлением еще одного интервьюера, к тому же иностранца. Тем не менее, как и на производстве, ему было важно участвовать в процессе интервьюирования, а затем обсуждать вместе с ней как эффект его присутствия, так и специфику формирующихся жизненных стратегий в семьях рабочих. Проверая свои ожидания при переходе от семьи к семье, проговаривая затем увиденное и услышанное, составляя резюме каждого интервью, они *«медленно, но верно»* реконструировали теорию, как «устаревшую», развитую в его предыдущем исследовании на венгерском предприятии, а еще ранее — на предприятиях в США и Замбии, так и новую, подходящую для наблюдаемого рыночного перехода. Для Майкла, как профессионального социолога, не существовало социологии без теории, а «поля» — без его участия. Он исходил из того, что теория формирует случай, а случай, в свою очередь, позволяет ее реконструировать.

Такой методологический подход рефлексивного изучения случаев предполагает постоянные размышления о своей исследовательской позиции и ее влиянии на результат, внимательное сопоставление наблюдений с ожиданиями, не допускает выдергивания отрывков из интервью для развития любимой теории. Это творческое соединение теорий разного уровня с эмпирическим исследованием реальности, раскрывающее сложный мир повседневных межличностных взаимодействий, требующее длительной и кропотливой аналитической работы особенно при переходе на уровень анализа макрореальности. Признавая, что могут быть ошибки на этом пути, Майкл говорил: *«ошибаться не страшно»*, но важно продолжать расти профессионально и развивать социологию.

Изучение жилищной стратификации — это последнее совместное исследование, проведенное с нами в Коми и в России, в рамках которого стало возможным сочетание качественных методов с количественными. Ответы респондентов качественного этапа изысканий были формализованы и переведены на язык опроса. Опираясь на теоретические обобщения Георга Конрада и Ивана Селеньи, на их представления о классах «производителей» и «распределителей» при государственном социализме, мы попытались выявить взаимосвязь жилищных, экономических и социальных классов, а также механизм, при котором советская система создавала преимущества классам управленцев и специалистов, а не рабочему классу, как представлялось идеологами социалистического строя. Однако в результате реконструировать теорию не удалось.

Позже Майкл сожалел, что скептически относился к теоретическим достижениям Пьера Бурдьё и недооценивал потенциал результатов его исследований для раскрытия дальнейших перспектив в развитии как социологического марксизма, так и социологической теории. В частной переписке он писал: *«Больше всего я сожалею о том, что мы так и не разработали теорию жилищного перехода. Но мне так мешал мой ужасно бедный русский язык. <...> Мы искали какую-то большую теоретическую рамку, чтобы понять, что происходило в 1990-е годы».*

В то же время в секторе экономической социологии Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра РАН развивалась бурная социологическая работа. Светлана Ярошенко и Татьяна Лыткина вместе с другими сотрудниками дружного, слаженного трудового коллектива изучали тех, кто обращался за государственной помощью на селе и городе, получал или терял статус нуждающихся, и какое влияние на них оказывала формирующаяся с 1996 г. система «адресной», а точнее, избирательной социальной защиты. Параллельно мы проводили кейс-стади на промышленных предприятиях г. Сыктывкара, сотрудничая с Саймоном Кларком и коллегами из Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО), а также изучали гендерные различия стратегий занятости среди зарегистрированных бедных, участвуя в лонгитюдном качественном социологическом исследовании совместно с Сарой Ашвин. Результаты всех исследовательских проектов мы обсуждали друг с другом, так или иначе затрагивая сложные вопросы оснований для теоретических обобщений по поводу наблюдаемых стремительных изменений и резкой дифференциации в обществе. Мы размышляли вместе по поводу применимости понятия *Инволюции* Клиффорда Гирца к ситуации в России 1990-х гг., о возможности реконструкции устаревших теорий *Великой трансформации* Карла Поланьи, *Андерклассы* Уильяма Вилсона и *Практик* Роберта Коннелла. Нам важно было, пропуская через себя, разобраться, как бывшие советские люди переживают кардинальные изменения в трудовой сфере, что для них означает ломка общественного устройства, какие строят жизненные планы, какие смыслы вкладывают в то, что делают и в чем они участвуют. Тем самым каждый из нас не только подбирал «ключи» к развитию социологической теории перехода от реального социализма к реальному капитализму, но и способствовал расширению и выстраиванию подходящей теоретической рамки, накоплению эмпирических данных для проверки выдвигаемых утверждений и для приращения социологического знания.

Проводя интервью, обсуждая их результаты, составляя аналитические схемы и выбирая подходящие теории для развития, общаясь в повседневной и академической жизни, мы каждый раз удивлялись внимательности Майкла Буравого к деталям, умению исходить из нашего жизненного и профессионального опыта, жить жизнью сообщества и постоянно рефлексировать над противоречиями, а еще отзывчивости, открытости, щедрости и мудрости, но прежде всего умению слушать и уважать мнение *другого* человека. Тем самым уже в повседневном взаимодействии преодолевать границы, иерархии и структуры, выстраивать равенство. На наш взгляд, его чувствительность к ограничениям и структурам формировалась именно при изучении рабочих. Более того, мы считаем, что наши восхищения были взаимны. Мы восхищались его подвижническим отношением к социологии и к труду, а он восхищался нами и нашей работой, всегда находя слова поддержки, понимая сложности наших жизненных и профессиональных ситуаций. В то же время он удивлялся тому, как много времени мы проводим за неформальными беседами, успевая при этом делать большой объем работы. Мы полагаем, что именно этот опыт наших дискуссий 1990-х гг. он перенес в свою преподавательскую деятельность, в еженедельные встречи с аспирантами у себя дома под тусклый свет лампы в своей небольшой квартире или в кафе. Кроме того, мы уверены, что его личный разворот от индивидуального к совместному исследованию, к учету жизненного опыта студентов при понимании исторических и общественных контекстов, к расширению социологического сообщества — это результат его личных размышлений над трудностями, с которыми он столкнулся при расширении кругов кооперации и поддержки других.

Прервав изучение рабочих, он обратился к изучению своего собственного рабочего места — университета, чтобы рассмотреть, как в условиях коммодификации и внешнего регулирования уже не только труда, но и знаний производится сама социология. В 2007 г. по приглашению Светланы Ярошенко он приехал с серией лекций о публичной социологии в Санкт-Петербург и вернулся сюда же в 2015 г. с лекцией «*Социология как призвание*», приняв участие в круглом столе «*О перспективах развития российской социологии в XXI веке*».

В первый визит он в своих 11 тезисах о публичной социологии предложил разные варианты объединения усилий социологов и различных групп общества, чтобы оживить социологию как научную дисциплину, поддержать разные группы общественности и тем самым защитить гражданское общество. Первоначально предполагалось, что Майкл

представит свою идею публичной социологии в Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ), где в ходе проекта по инновационной образовательной среде обменивались опытом и знаниями по переходу на двухуровневую систему обучения в рамках Болонского процесса. Однако поступили приглашения выступить и в других социологических центрах. Несмотря на серьезную нагрузку, Майкл принял все эти предложения. Более того, в своих выступлениях на разных площадках он постарался ориентироваться на конкретную публику, предлагать согласованные с ее интересами темы для дискуссии, а также вести с ней диалог, встроенный в локальную ситуацию. В итоге в течение трех дней он сначала представил свое видение публичной социологии в СПбГУ, затем обсудил возможности ее укоренения в российском контексте в Центре независимых социологических исследований, а также инициировал дискуссию о направлениях развития марксизма после коммунизма в Европейском университете в Санкт-Петербурге и, наконец, провел несколько методологических семинаров, разъясняя и студентам, и преподавателям, и всем заинтересованным развитие методов качественного социологического исследования особенности разработанного им *метода развернутого изучения случая* (extended case method).

По окончании визита в разных российских социологических журналах были опубликованы и его статьи о публичной социологии, и дискуссия о том, приживется ли публичная социология в России. Основной лейтмотив его обсуждений вращался вокруг отличительных свойств социологии на фоне других социальных наук, заключавшихся в стремлении к объединению общества, а не его расколу, а также к признанию не только наукой, но и моральной и политической силой. Подчеркивая важность возвращения обогащенных социологических знаний разнообразным публикам, или группам общественности, как *традиционным*, невидимым в общественном пространстве, но часто исключаемым и маргинализируемым, так и *органическим*, видимым, местным и зачастую протестным сообществам, он тем не менее видел ограничения для развития публичной социологии в России. И все же, полагаясь на свой личный опыт работы над ошибками и трудностями их преодоления, он считал, что и здесь публичная социология может перерасти в профессиональную, обращая внимание российских социологов на необходимость проверки своих утверждений эмпирическими данными, предлагал социологам стать солидарными для формирования профессионального сообщества заинтересованных в изучении социальных проблем и развитии гражданского общества.

В ходе второго визита в Санкт-Петербург, состоялся еще один цикл его лекций и встреч в разных социологических центрах, сотрудники которых были обеспокоены как положением социологии в системе высшего образования РФ, так и выстраиванием иерархий внутри и вне университетов, академических институтов и исследовательских агентств, а также ходом развития в них гражданских протестов со стороны ученых разных дисциплин и студентов. На этот раз, обращаясь к российскому социологическому сообществу, он подчеркивал, что опрометчиво следовать формальным и классифицирующим показателям академических достижений, деликатно намекая нам, что необходимо прежде всего осмыслить происходящее в историческом ключе, воспринять свои личные проблемы как общественные, прирастить знания о меняющемся обществе, развить локальную теорию, пусть даже заимствованную, но сформированную на основе российского контекста, подняться профессионально, поверить в себя, будучи солидарными с друг другом и с гражданским самоорганизующимся обществом. Тем самым, мы убеждены, что он не пытался ранжировать социологические сообщества, напротив, предлагал, преодолевая границы, расширять представления об обществе и самих себе, чтобы вернуть приращенное социологическое знание обратно, туда, где оно было получено. Поскольку если уж какой-то науке суждено понять Россию, то явное преимущество принадлежит социологии. Наше будущее в наших руках. Думаем, что с этими словами он бы согласился.

Сведения об авторах

Кротов Павел Петрович, кандидат социологических наук,
Фонд Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия
pavel@krotov.us

Лыткина Татьяна Степановна, кандидат социологических наук,
Коми научный центр РАН,
Сыктывкар, Россия
tlytkina@yandex.ru

Ярошенко Светлана Сергеевна, кандидат социологических наук,
независимая исследовательница,
Санкт-Петербург, Россия
svetayaroshenko@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 08.04.2025;
принята к публикации: 15.04.2025.

KROTOV PAVEL P.¹, LYTKINA TATYANA S.², YAROSHENKO SVETLANA S.³

¹ *Pitirim A. Sorokin Foundation,
Syktyvkar, Russian Federation*

² *Komi scientific centre RAS,
Syktyvkar, Russian Federation*

³ *Independent researcher,
St. Petersburg, Russian Federation*

IN MEMORIAM MICHAEL BURAWOY

For citation: Krotov P. P., Lytkina T. S., Yaroshenko S. S. In Memoriam Michael Burawoy. St. Petersburg Sociology Today. 2025. No. 27. P. 5–13. DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.jkf4-5e86; EDN: DDCPNG

Information about the authors

Krotov Pavel P., Candidate of Sociological Sciences,
Pitirim A. Sorokin Foundation,
Syktyvkar, Russian Federation
pavel@krotov.us

Lytkina Tatyana S., Candidate of Sociological Sciences,
Komi scientific centre RAS,
Syktyvkar, Russian Federation
tlytkina@yandex.ru

Yaroshenko Svetlana S., Candidate of Sociological Sciences,
independent researcher,
St. Petersburg, Russian Federation
svetayaroshenko@gmail.com

Received: 08.04.2025;
accepted for publication: 15.04.2025.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.m1xh-8n24

EDN: HOCTDF

УДК 316.7

АННА СЕРГЕЕВНА БУХАРОВА

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия*

ГЕНДЕРНЫЕ ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКЕ В РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. Анализ научной литературы показывает, что культурный капитал определяет социальное положение человека в поле культурного производства, включая сферу искусства. В контексте художественного производства и критики культурный капитал влияет на то, как люди оценивают и интерпретируют произведения художников. В некоторых работах доказано наличие гендерных предубеждений в художественной сфере, которые проявляются в репрезентации, оценивании, карьерных возможностях в области искусства, а также в различиях в социальных ожиданиях в отношении художников в зависимости от их гендера. В фокусе исследования — изучение того, существует ли разница в том, как люди пишут критику о работах художниц и художников, особенно учитывая тот факт, что в России на эту тему проведено не так много исследований. Данные для анализа включают рецензии из публикаций в художественных журналах и публикации на платформе Telegram. Для исследования различий в рецензиях был использован текстовый анализ и статистические тесты. Оценивались используемые критиками слова, количество написанных рецензий, передаваемая в них тональность, тематическое моделирование, а также то, как эти факторы зависят от гендера художника и типа медиаплатформы, на которой были опубликованы рецензии. Результаты показали существование гендерного неравенства в художественной критике в России — о художницах-женщинах написано меньше ревью, и длина отзывов меньше по сравнению с ревью, написанными о художниках-мужчинах. Также важный результат был выявлен о разнице между журналами и Телеграм-каналами (традиционное печатное медиа в сравнении с онлайн-платформами с более неформальным обсуждением и менее структурной критикой). Анализ показал, что о женщинах пишут больше в Телеграм-каналах, чем в журналах.

Ключевые слова: гендерное неравенство, исследование культуры, поле искусства, критика искусства, текстовый анализ

Ссылка для цитирования: Бухарова А. С. Гендерные предубеждения в художественной критике в России в XXI веке // Петербургская социология сегодня. — 2025. — № 27. — С. 14–40. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.m1xh-8n24; EDN: HOCTDF

Introduction

Art criticism plays an essential role in shaping the perception of artworks and artists since it not only affects the reputation and career of artists but also affects the way art is discussed and evaluated. It shows the amount of representation artists have in museums and exhibitions, therefore it is important to examine gender within this field to see power dynamics and patterns of representation and visibility of female artists compared to male artists. Art reviews can provide a lot of dimensions of material for studying gender inequality which is manifested not only in mentioned different amounts of visibility but also the way critics define artistic geniuses and excellence, how art history is told and how authors write about works of female and male artists.

Despite growing number of studies about gender inequality in the cultural field and art world specifically, there remains a significant gap in understanding how these biases manifest in art criticism and especially in the context of Russia. In the context of Russia, the topic of gender inequality in art remains understudied: there are studies about women's place in art history, the emergence of art-feminism in Russia and its specific characteristics (Чао 2020) but there exists a gap in studying how gender bias influences the evaluation of artistic works which this study will cover. Therefore, my research questions are the following: is there a gender bias in art criticism in Russia and what are its manifestations?

This study aims to address the existing research gap by applying text analysis techniques to examine whether reviews of male and female artists differ in significant ways within Russian contemporary art criticism. Part of the methodology is a combination of techniques used for studying media coverage of artists but mostly not in visual arts but music and literature fields: the words used by critics, amount of reviews written, the sentiment conveyed in their reviews, topic modeling and whether these factors vary depending on the artist's gender and media where the reviews were published. The data for this study includes reviews from both digital magazines that post material that is published in their print magazines and social media platform Telegram. Such comparison of different sources of art criticism adds a broader dimension of analysis of art discussion.

Literature review

Many researchers studied gender in the art field through the prism of Bourdieu's theory of capitals and the difference in levels of capital possession between women and men. According to Bourdieu (1993), symbolic capital is the degree of accumulated prestige, status and other forms of social honor that a person has received within a social space and cultural capital can be defined as education, knowledge, appreciation of arts and specific leisure activities. Susan Dumais (2002) noted that children accumulate cultural capital in different ways depending on their gender: girls participate in more cultural activities (for example, music and drawing lessons) than boys. However, in professional fields, men tend to possess more cultural and symbolic capital and benefit more from it. Symbolic capital as all forms of capital can be exchanged for other resources such as employment opportunities and social support.

D. Miller (2014) studied the way people accumulate and use symbolic capital in cultural fields differently depending on their gender. Comparing two cultural fields (the heavy metal scene and the contemporary folk scene) she found out that, first of all, symbolic capital is gendered and also these fields have specific characteristics that affect the way the reputation (symbolic capital) of an artist is perceived depending on their gender. One of such aspects is the institutionalization of symbolic capital. Artists in the folk field can be perceived as successful based on formal "markers" of reputation such as awards and therefore there is a lower chance for gender bias since it is based on explicit criteria. However, in the metal field such markers of success are informal such as "word-of-mouth" and have no clear and established criteria therefore it creates an opportunity for emergence of gender bias in evaluating other artists. This way, gendered reputation disadvantages female musicians within the metal field, femininity is perceived as a "marker of low status" while it produces much less inequality in the folk scene.

The gender inequality in the art field and the obstacles that female artists face can be explained through the historical perspective since the visual art field has been historically male dominated. Throughout history women's opportunities were limited: women were mostly forbidden to engage in professional artistic work and getting into art schools and getting education was either with a lot of restrictions or impossible till the second half of 19th century. It is mostly a reason why fine art is mostly associated with masculine creative figures (White, White 1965) and why men are mostly perceived as highly accomplished artists and women mostly described as muses or amateur painters (Nochlin 1971).

Gender inequality in the art field has a lot of manifestations that were studied by many researchers. For example, one of the main observed trends in the research field on this issue is underrepresentation of women in employment in the cultural industries including visual arts. In one of the paper studying patterns of inequality and exclusion of women in workforce in creative fields authors mention some of the factors affecting women's position within the professional structure and access to opportunities and state how women tend to not fill high positions in creative industries: only 5 percent of editors of national newspapers were women, men were outnumbering women in decision-making roles in media companies, overall fewer women in executive positions in creative industries (Conor, Gill, Taylor 2015). Another important aspect of gender inequality that they mention is horizontal and vertical segregation in creative professions: there are a lot of women as hairdressers and make-up artists, however there are heavily underrepresented in jobs like screenwriter, cinematographer, sound department. The authors also focused on specific characteristics of jobs in the creative field which is the presence of informal organization. It means absence of clear hierarchies and structure and almost most importantly informal hiring practices which happens outside of formal channels and happening through social networks (Conor, Gill, Taylor 2015). It can be disadvantageous to women because they can have lower chances to be selected for a position due to gender bias and such informal networking benefits men more since men and women have different opportunities to acquire social capital.

Many researches focused on studying what factors affect the position of the artist within the creative field. For example, in one of the paper author focused on the process of consecration by examining which artists that were a part of the Armory Show are present in current art history textbooks as it was previously proved in other study, academic textbooks are an ideal way to evaluate cultural consecration (Braden 2009). The term of consecration was described by Bourdieu (1984) and it means the phenomena of distinguishing artists as worthy of recognition above others, high esteem and praise. The author of the paper examined how characteristics of an artist (including gender) affect the process of consecration. The results show that the number and type of exhibitions that Armory artists garnered at the Museum of Modern Art was the most significant factor of being included in the art history textbooks. As for gender, it was not a significant predictor of inclusion in textbooks but it was significant for exhibiting at MoMA. This finding is important since it was shown previously that MoMA exhibition greatly increases the probability of an artist's inclusion in an art history textbook. The author of the paper showed the way gender can be studied in the context of

the art field and it paid special attention to role of institutionalization which was also mentioned in previously described study by D. Miller (2014): the author described the impact of institutions on consecration by the exposure to certain types of artists while excluding others.

Another important aspect of gender bias in the art field that was covered by previous studies is gender role expectations. Unequal domestic responsibilities, balancing parenting obligations and work have been found out to limit participation in creative practices and career maintenance for female artists (Flisbäck, Lindström 2014). Some of the female artists mentioned how they felt guilty for pursuing their career goal when they felt that they could be spending more attention on their families (Ginis, Stewart, Kronborg 2023).

In one of the papers the author addresses how female artists are systematically disadvantaged across cultural fields and how the artist archetype is symbolically masculinized due to social expectations around artists and their work (Miller 2016). Diana Miller stated the main ways in which it can be manifested. People tend to associate “creative genius” with the behavior that they expect from men and not women and men are consistently favored over women in aesthetic evaluations. More than that, the author mentions how the nature of artistic careers demands that artists participate in behaviors that are more socially acceptable for men than for women, such as self-promotion and entrepreneurial labor.

In addition to previous findings, it was pointed out in another paper what types of different roles expectations there are to women and men and how the definition of genius is masculinised (Davees 1999). The author states how when female artists ignore the needs of others in order to focus on their work, they are perceived as “self-centered and unstable”, however, when men exhibit the same behavior patterns they are called as geniuses and someone “devoted to their calling”.

Another study focused on exploring the relationship between gender and artistic creativity and how female visual artists perceive the role of gender in relation to their art activity (Ginis, Stewart, Kronborg 2023). The findings showed that participants were affected by inequality in the art field based on their gender. They felt that their art works and artistic ability were underestimated compared to male artists which had a great effect on their self-esteem. It was found out that some of the artists started to doubt their artistic abilities and perceived professional exclusion as their personal creative inability rather than gender discrimination. More than that, some of the obstacles participants faced were not unique only for their artistic careers and were common to gender inequalities in other professional fields

such as lower payment, limited access to professional opportunities and underrepresentation. One of the interesting additions to the research field that this paper added was the finding that some of the female artists made emphasis on the fact that their creative ability and identity as an artist transcended gender. They opposed the label of ‘female artist’ because they felt that it diminished their identity as the artist first and created constraints to their works. This way, they felt that their art works were perceived as works created solely about women experience while male artists could have expressed any theme.

A lot of researchers studied artist’s media coverage and art criticism specifically. The authors studied topics that were discussed in art criticism over the past 25 years with the usage of topic modeling on the examples of text from *Frieze* which is a leading art magazine about contemporary art (Roose, Roose, Daenekindt 2018). The essence of the topic modeling algorithm is that it looks for co-occurrences of words in the corpus and generates ‘topics’ which are lists of words with a high probability of co-occurring in the articles. The authors based on the analysis got 15 topics and after the comparison of their use and analysis authors were able to identify key themes in contemporary art discourse and track the evolution of these topics over time. I thought it would also be interesting to implement such methodology in my analysis to see what are the topics and their proportion in art criticism in Russian contemporary art.

The analysis revealed a diversity of topics in art criticism on contemporary art with a wide range of themes related to media and genres discussed in contemporary art discourse such as various genres in contemporary art (architecture, film / cinema, literature, painting / drawing, and etc.), historical perspective towards contemporary art, philosophy, society, technology, and gender / body. The authors state that such thematic diversity reflects the multifaceted nature of contemporary art discourse. They found out that while some topics showed stability, others exhibited fluctuations, indicating shifts in the focus of professional discourse on contemporary art. The analysis showed that all art genres received relatively equal attention with a similar probability of occurrence but visual arts such as painting / drawing and sculpture / installation were more prominent in the discourse.

The authors also pointed out characteristics of contemporary art which I think are important to know before analyzing art criticism of this period. They identified an increased emphasis on societal themes, political engagement, and critical reflection on social issues in contemporary art. Art criticism increasingly addresses politics and the role of art in society, emphasizing themes related to social issues. Artists are challenging the

familiar and taken-for-granted qualities of reality which also extends to societal issues that may have been overlooked. This way, there is a growing awareness within contemporary art of its social position and contemporary art serves as a platform for exploring and challenging complex social issues. Also, the authors mention the interdisciplinary nature of contemporary art discourse: art criticism engaging with philosophical, sociological, historical, and political ideas.

The authors also stated the importance of art criticism and its role from several aspects. It shapes the contemporary art discourse, provides critical insights, interpretations and evaluations that contribute to the understanding and appreciation of artworks within the art world and among audiences. Art critics also play an important role in contributing to the ongoing discourse surrounding contemporary art and providing perspectives that help to understand art not only from aesthetic value but also socio-political dimensions of contemporary art.

Gender bias in media coverage of artists have been studied a lot. C. Nemser (1973) gives several patterns of the way art critics wrote about female artists in the 19th and 20th centuries. The first one is that women were called uncreative with “passive” nature and their ability to create was referred to as “unconscious” or even imitation of work of male artists rather than the product of their work. Therefore, since women’s creativity was referred to this way there was a specific vocabulary for describing female artists’ works such as emotional, sensitive, spontaneous. Also, critics tended to call female artists’ creative ability as something intuitive and therefore not mention their accomplishments. Another characteristic was the focus on the choice of subject of artists’ work: critics praised when women based their art on femininity and pictured something along playing children or “young women preparing to look their best”. Critics also referred to chosen techniques and style as something influenced by artists’ “female nature”. Women’s art was regarded a lot in comparison to the male artists and were told to be worse than them or to be assessed in their own realm because of the “feminine character” of their art. Critics also praised female artists when their art works resembled more of characteristics of male artists. I thought that it would be interesting to see if some of these patterns can be found in art criticism of contemporary artists such as for example the usage of specific words or comparison to male artists.

In another paper Deepwell K. (2020) mentions how journalists write less about female artists in journals and newspapers even though they are presented more in the art exhibitions. She points out that throughout the years there have been more works made by female artists presented in museums

and galleries: there was a shift from 10 to 30–50% of presented artists in major art exhibitions such as Documenta.

In one of the papers authors studied newspaper coverage of female artists and how it changed over the years on the example of newspapers publishing from 1955 to 2005 in different countries (Berkers, Verboord, Weij 2016). The findings demonstrate that coverage of female artists in elite newspapers stayed stable over the last 50 years, still being around 20–25%, even though there was an increase in the level of women’s employment in the art field. The paper shows that one of the manifestations of gender bias in art is that people write less about female artists than about male.

Mangani A. (2021) examined potential gender bias in reviews of albums published in music magazines. I chose to read this article to see how the methodology was structured to implement some elements into my paper. Even though the studying case was not visual art, it still focuses on female artists in culture industries, so I decided to read papers about this topic too since it is closely connected to how female visual artists are presented in the media. The author looked at the following characteristics in the analysis: musical genre, the gender composition of the bands, the personal characteristics of the artists (experience, nationality), the type of magazine that published the reviews, and the sex of the journalists who wrote the reviews.

The analysis of the number of words in review showed that the reviews of female albums consist of fewer words than the male albums. To assess the variable “attitude” of reviewers towards the albums, people were asked to evaluate reviews as negative, neutral or positive (–1,0 or +1 respectively). I would also take into account such variable in my analysis but I thought it would be better to assess the attitude variable through the sentiment analysis of the review.

The results showed that female journalists tend to disfavor female albums more than male journalists but the difference was not statistically significant, so I think it is important to read more papers that studied such association. For example, in contrast to that finding Armstrong (2004) shows that the sex of the reporter has a significant influence on the source selection in American newspaper stories in a way that “female writers were more likely to write about women and showcase women in news coverage, whereas male writers were more likely to include males in their stories”. Also, there was a finding that even though women are underrepresented in the coverage of all artistic genres, there is some evidence of sex segregation particularly in architecture (stereotypical masculine) and modern dance and fashion (stereotypical feminine) which supports the finding mentioned in paper by Conor, Gill, Taylor (2015) about sex segregation in creative professions.

Feigenbaum (2005) also studied the way people write about women in the music industry: to be specific, the author focused on how in criticism of the rock genre people can devalue and discredit female artists. The author analyzed 100 articles about a female singer published within 1993 and 2003 in print and online magazines and newspapers.

The analysis concentrated on three main aspects of the language used in rock criticism: the presence and way of comparison of female artists to each other and to men; gendered patterns in language used in description of female artists; the use of metaphorical gender terminology in descriptions of fans, lyrical and musical analyses, and artist background information.

This study demonstrates the usage of gendered wording and differences in media coverage of male and female artists which reflect gender bias in creative fields and, as the author states, “positions women as exceptions rather than integral members of the music community” (Feigenbaum 2005). Part of the specific traits of reviews about female artists that were formulated in the paper are the following:

1. Critics tend to compare women artists to each other and to male artists which can devalue the work of the artist herself and affect a lot how the work is perceived. The author mentioned an interesting finding that comparisons with male artists were mostly positive-positive while comparisons to women were also positive-negative and negative-negative. This difference in comparison types may reflect biases and stereotypes in rock criticism. Also, while comparing women with other female artists critics sometimes emphasize the “feminine” nature of their music, this way referring to them as a separate category of music and limiting their artistry.

2. Critics use gendered wording — adjectives with gender connotations — to describe female artists which reinforce stereotypes and limit their artistry. For example, referring to female artists as ‘sensitive’ or ‘emotional’ may reinforce traditional gender roles and expectations. The author also mentioned how such usage of gendered language can contribute to the marginalization of women in the music industry: this can reinforce the idea that women’s music is a separate category.

3. Articles on female artists tend to focus more on their image and personality rather than their artistic work and music which contribute to objectifying portrayal of women in rock criticism.

4. The existence of double standards in media coverage: for example, female artists tend to be judged more because of their image or lifestyle while male artists do not perceive such harsh criticism because of the same things and are primarily evaluated based on their musical talent.

Database description

Data that was collected for the analysis is art exhibitions reviews and texts about upcoming and currently going exhibitions that the reviewer did not visit. I considered the later part of the texts about art exhibitions still important for the analysis even though it is not reviews directly because they still show the amount of times people write about works of female and male artists and can consist of words which show how artists and their works are viewed by reviewers. For example, it can be a recommendation to visit the exhibition, praise of the artist because of their previous works or their biography. I collected reviews about solo exhibitions of artists but also collected texts about mixed exhibitions if artists of only one gender were mentioned.

The exhibitions have taken place in Russia in the last five years and displayed the works of contemporary artists. I choose contemporary art for my analysis because of its characteristics as the most modern form of art that is interlinked a lot with society and has a high level of social and political engagement: artists tend to cover social and political issues through their works, critique what is happening in the world. Therefore, it was interesting to see how gender distribution and attitude towards artworks made by artists of different gender looks like in this field.

The time frame for Russian contemporary art is usually defined as the four latest decades and it is also a time when the institutions of contemporary art started to appear such as museums and galleries (Максунова 2018). For example, galleries of contemporary art started to appear in Moscow at the end of 20th century where visitors were able to look at and buy paintings of artists and one of such examples are The MARS Center for Contemporary Art that was opened in 1988 and Moscow Museum of Modern Art that was opened in 1999.

Based on this time frame, I collected reviews of exhibitions of artists with their works made from the 1980s to the present days but it mostly contains the art works created from the 2000s. The data was collected from The Art Newspaper Russia ($n=64$) which is a magazine dedicated to world art news that has daily online updates mostly with articles that will further be a part of the printed edition of the magazine and magazine articles about art exhibitions which were available in public.ru through HSE library ($n=2$). The other source of data was Telegram channels of Russian journalists ($n=61$). I decided to include such data source because nowadays a lot of media outlets and journalists publish their texts on this social media and more than that, I thought it would be interesting to

compare if people write different types of reviews for magazines and for their Telegram channels. I chose channels whose authors are journalists and had or currently are publishing in magazines in Russia that are related to the art field and those who published books about art. The list of authors is the following: Ksenia Korobeynikova (channel “ку-ку”) art critic and journalist who also worked with one of the biggest museums of contemporary art in Russia “Garage”; Sofia Bagdasarova (channel “ШАККО: ОБ ИСКУССТВЕ”) art critic, writer, journalist who also writes for The Art Newspaper; Natasha Kryuchkova (channel “я поведу тебя в музей”) art critic and journalist who also writes for The Art Newspaper; Alexander Radaev (channel “парнасский пересмешник”) journalist, writer, specialist in the field of cultural history.

Methodology

I applied text analysis techniques for analysis of reviews. Firstly, as it was also used as a part of methodology in studies of art criticism, I counted the proportion of reviews written about female and male artists. I also looked at such distribution between reviewers of different genders to see if media coverage of female and male artists would differ depending on who writes reviews about them. Another finding that was discovered in the literature was the difference in length of reviews written about artists of different genders, so I also counted and compared such metrics.

Another part of the analysis was the most used unique words used for different categories of reviews. I calculated this with the usage of Term Frequency-Inverse Document Frequency metrics: it is a multiplication of frequency of a word appearance in a document and inverse document frequency which looks at the importance of the word in the whole corpus. This metric helps to evaluate how important the word in a document is compared to collection of documents.

I applied sentiment analysis to see if sentiment of used words would differ between reviews of different categories. I used the Russian Sentiment Lexicon RuSentiLex dataset where each word was categorized as positive, negative, neutral or positive / negative in cases when it depends on a context.

While reading studies on the topic of gender bias in media coverage of artists, authors of one of the papers used topic modeling which I also decided to apply to see if collected data can be divided into subtopics. I used Latent Dirichlet Allocation (LDA) which is the algorithm that helps to find the hidden thematic structure in collections of text. It represents each document as a mixture of topics, where each topic is characterized by a distribution

of words. The model estimates the probability of words appearing in topics and assigns words to topics based on these probabilities.

As it was mentioned, while collecting data from the magazines I decided to also collect reviews written in social platform Telegram in channels of Russian journalists, so another part of the analysis was the comparison of mentioned metrics and characteristics of texts written in different sources. I thought it would be an interesting case to consider since the magazine is a more formal source of art criticism, even though the authors that I chose for my analysis are not general public but journalists some of whom worked or are still working for one of the magazines which was also a source of collected data. Aside from quantitative metrics, there is also a part of qualitative analysis with observations that were noticed during reading of the texts.

Results

1. The first part of the analysis was the comparison of the amount of reviews written about male and female artists. The analysis showed that 29,9% of reviews were written about female artists and 70,1% of reviews were written about male artists. So, the proportion of media coverage of female artists is much smaller compared to male artists and this finding corresponds to literature review and described cases from different countries.

Then I compared this distribution in different sources and found out that there are still more reviews written about male artists in both types of media (77,3% in magazines and 62,3% in Telegram), however the proportion of texts written about women is bigger in Telegram (fig. 1). From the total number of reviews written about female artists 39,5% of texts were from magazines and 60,5% were from Telegram

Another dimension of comparison of texts written about different artists is the difference between reviewers of different gender. It can be observed that within reviews written by women they tend to write more about female artists than men do and vice versa for male reviewers: women wrote 71% of total texts about female artists and 61% of total texts about male artists, while men wrote 7,9% of total texts about female artists and 21,3% of total texts about male artists (fig. 2). However, the difference seems small, so I performed a chi-squared test to check if there is statistically significant difference between reviewers of different gender. All assumptions for test were met but the test showed that there is actually no statistically significant difference between who reviewers choose to write texts about — female or male artists.

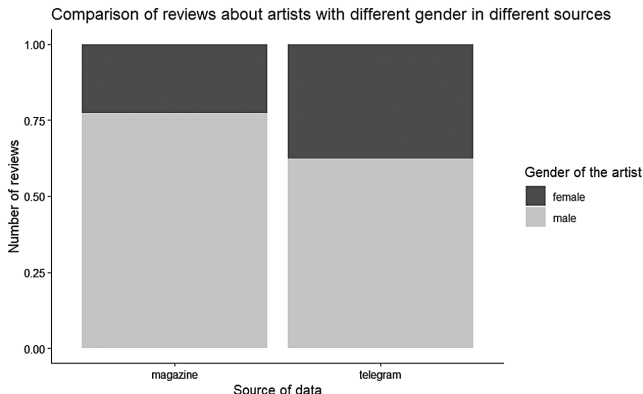

Fig. 1. Graph with distribution of reviews about artists with different gender in different sources (magazines and Telegram)

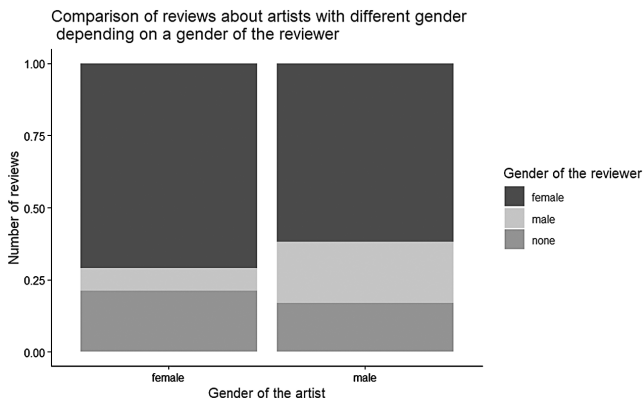
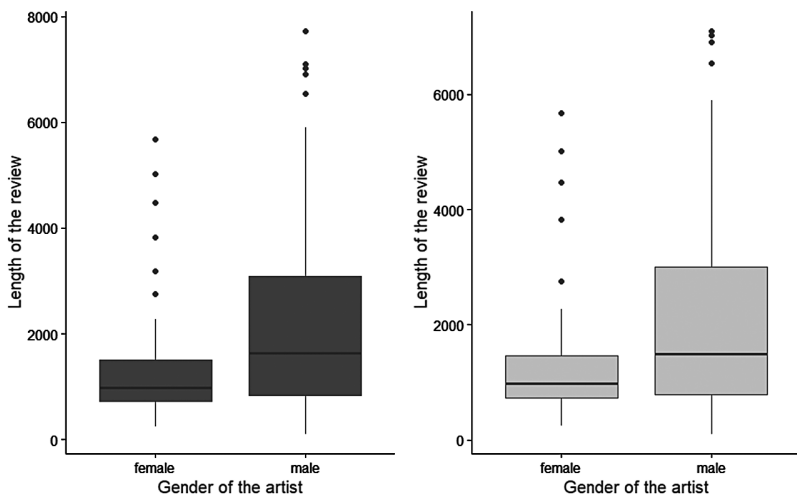

Fig. 2. Graph with distribution of reviews about artists of different gender between reviewers of different genders

2. Next part of the analysis was the comparison of lengths of the reviews, since it was found out in a previous study on this topic that reviews about female artists tend to consist of fewer words than texts about men. I created a variable with the length of reviews by using a function that counts the number of used letters in the text and calculates the mean number of length for texts about female and male artists. As it was assumed, texts about men consist of more words: the mean length of reviews about men is 2191 letters and 1538 letters for texts about women.

The difference between two groups seemed drastic, so I assumed that it could be because data also included reviews about exhibitions where multiple artists are presented which tend to be longer than usual and that usually mention male artists. So, I deleted these cases ($n=4$) to compare the length of reviews. The results did not change by great extent — the mean length of reviews about men became 2106 letters and 1494 letters for texts about women (fig. 3). So, there is still a pattern in art criticism that reviews about female artists are shorter.

Fig. 3. First graph: the mean length of reviews within different gender of the artist. Second graph: the mean length of reviews within different gender of the artist in the filtered dataset

One of the potential reasons for reviews of female artists to be smaller in size could be the fact that the bigger part of texts about women were from Telegram channels, so to see if it affected the general results I also compared the lengths of reviews between different sources. It showed that as expected the mean length of texts collected in Telegram is smaller, however within reviews from the magazines texts about male artists still have far more words than about women which proves that it is not the effect of a Telegram and this pattern is consistent in both media sources. Also, there is an interesting finding that the length of reviews about female artists is higher in Telegram but the difference between mean lengths of texts of different artists' gender in Telegram is not as extreme as in magazines (fig. 4).

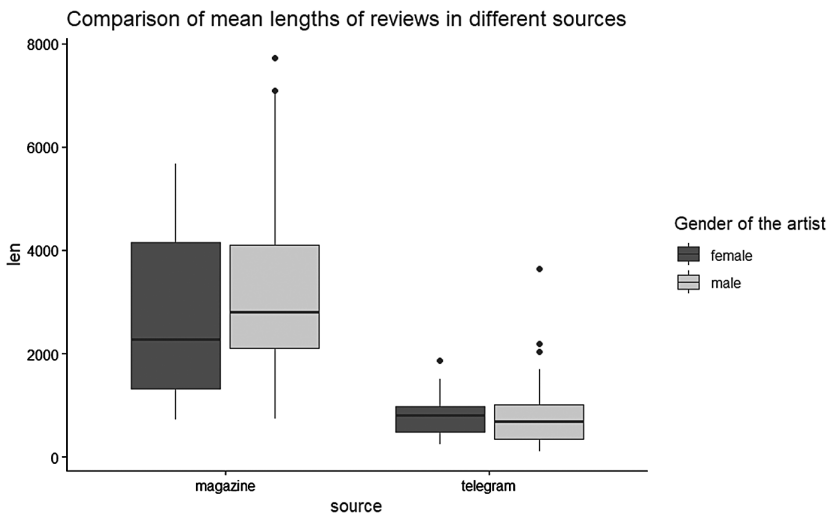

Fig. 4. Graph with comparison of mean lengths of texts from different sources

3. Next part of the analysis was a comparison of the frequency of unique words used in different categories of reviews. First step was the text preparation. I performed lemmatization which is the process of changing words to their root form. The other parts of text pre-processing were tokenization (breaking text in words), deleting stop words (set dictionary of most used words that are not important for text analysis), setting all words to lowercase and deleting digits. The dataset after preprocessing has 9535 observations.

As it was mentioned in the part with the methodology, I used Term Frequency-Inverse Document Frequency metrics to identify most used unique words and by looking at the lists of words there are no clear observed distinctions in wording of reviews depending on a gender of the artists (fig. 5). Most of the most used words are the same for two categories and those that differ do not bring any conclusions about differences between the texts. It can be seen from the graph that the reviews of female artists include the distinct words “home” and “world” which could be indication of subtopics that are mentioned while reviewing female artists but reading through the context where these words are used showed that it does not indicate the difference between texts about female and male artists. For example, the word “home” was mentioned a lot in one of the reviews because it was used in metaphor of comparison of museum and home by the artist herself.

The comparison of most used words in different sources and between different gender separately in magazines and Telegram also did not reveal any specific usage of unique words in context of reviewing male and female artists (fig. 6, 7).

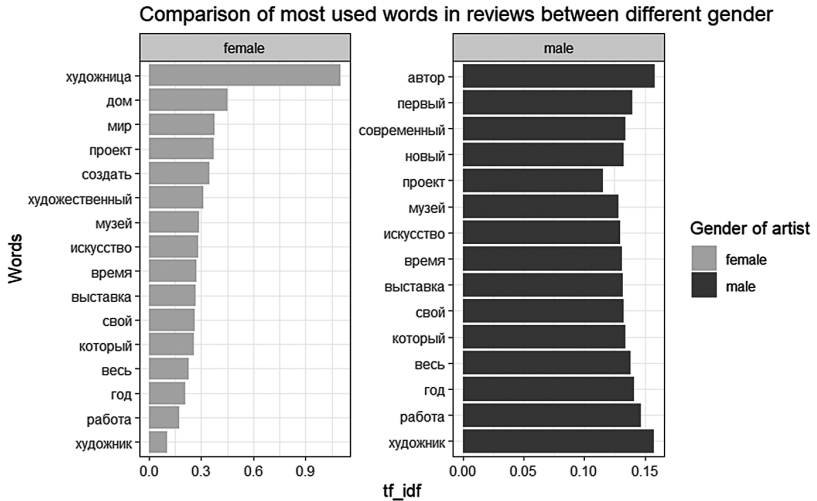

Fig. 5. Most used words in reviews of artists with different gender

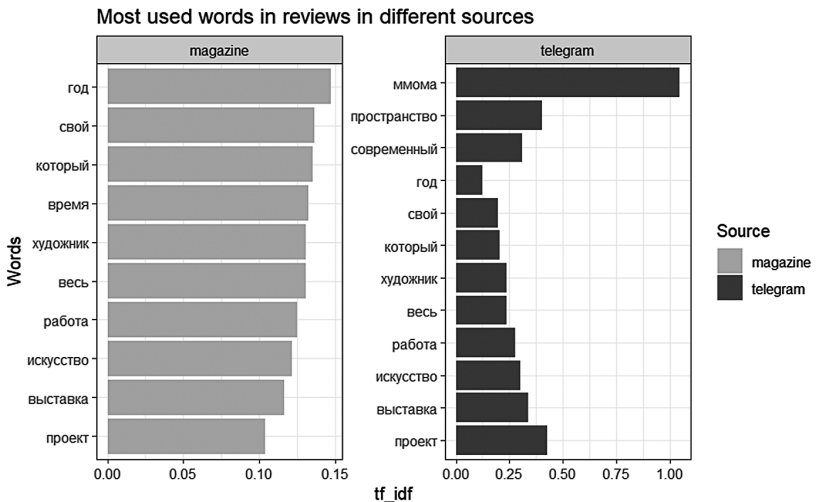

Fig. 6. Most used words in reviews in different sources

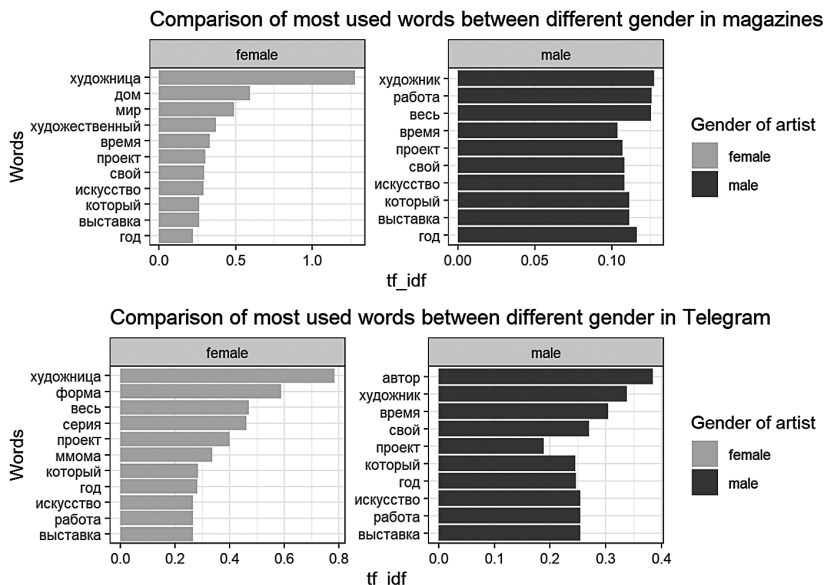

Fig. 7. Most used words in reviews of artists with different gender in magazines and Telegram separately

4. I made four sentiment analyses to compare the use of sentiment for different gender of artists in all data, use of sentiment between different sources and separately use of sentiment for different artists in magazines and Telegram separately. It was shown that there is a higher level of positive words in reviews about female artists but the difference is not too high. 55,5% of words in texts about female artists have positive sentiment while for male artists the number is 49,2% (fig. 8).

I performed a chi-squared test to check whether this difference is statistically significant. I deleted positive / negative sentiment to compare the other three sentiments, so that the assumptions for the test are met and there are enough observations. The test showed that there is statistically significant difference, however the standardized residuals showed that the conclusion can only be made about neutral and positive sentiment of words. Therefore, it can be concluded that there is a slightly higher level of used positive sentiment for female artists and neutral sentiment for male artists. It is important to mention, that it does not mean that there are more positive reviews written about female artists than male but there are more used words that are marked as positive in the sentiment dictionary. For

example, there are such positive words used as “живописный”, “радость”, “эйфория”.

The comparison between different sources showed that there is more positive sentiment in reviews written in Telegram and more neutral and negative sentiment in reviews from the magazine which was then also proven by the chi-squared test (fig. 9). However, the difference is not by great extent: 56,6% of words in reviews from Telegram have positive sentiment while in magazines the number is 49,2%.

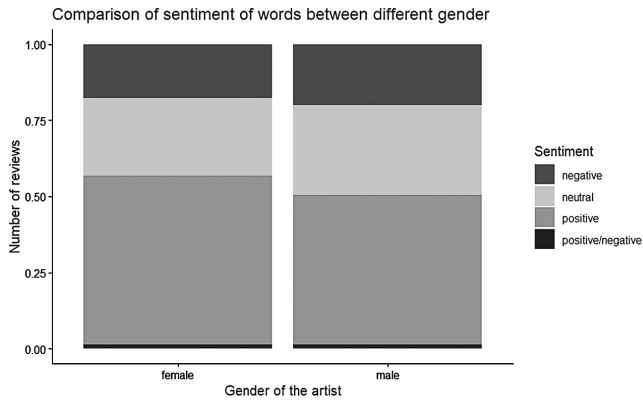

Fig. 8. Sentiment of words used in reviews of artists with comparison of different gender

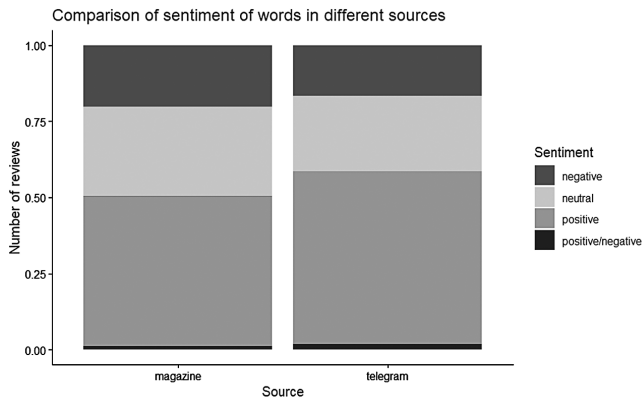

Fig. 9. Sentiment of words used in reviews of artists with comparison of different sources

I decided to compare the use of sentiment between genders separately in different sources since it was found out that the levels are different between genders and between sources and I assumed it could be interlinked. It was found out that the use of positive sentiment for female artists is higher in Telegram than in magazines by 7,1% (Figure 10). It may be interlinked with the fact that there is a higher percentage of positive words used in texts about female artists and positive words overall used for both genders in Telegram since the proportion of reviews written about women is higher in Telegram.

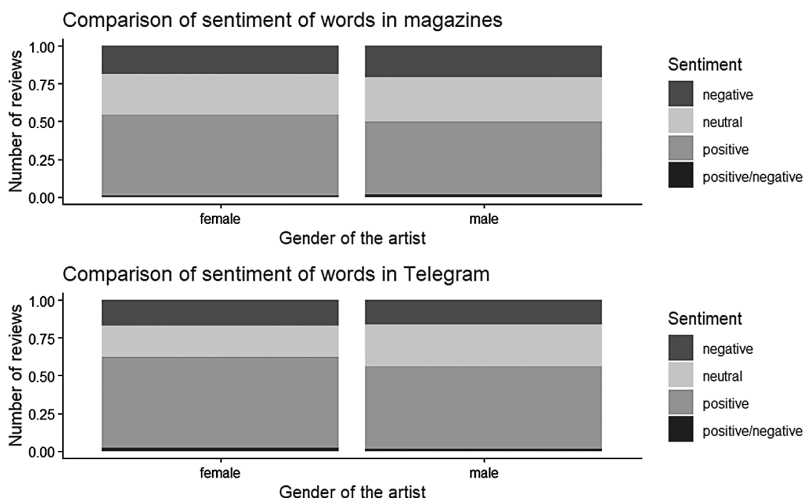

Fig. 10. Sentiment of words used in reviews of artists with comparison of different gender in magazines and Telegram separately

5. With the usage of Latent Dirichlet Allocation I decided to see if there could be specific subtopics when authors write about female and male artists. I set the number of topics to three and by comparing lists of words for subtopics, it can be observed that there is no explicit categorization for subtopics and no significant difference between distribution of words between genders (fig. 11).

6. There were also several observations noticed during qualitative analysis of reviews. As it was found out in quantitative analysis, the mean length of reviews about female artists is much shorter than about men and I noticed a pattern which could be a reason for it. When writing texts about male artists, authors tend to focus a lot on their biography and accomplishments in the art field which is mentioned less and focused on not till that extent in texts about female artists. One of the potential reasons for this pattern can be the fact

some of the reviewed male artists are a part of contemporary art but were also active in the past century when there were less women in the art field as there are now. Therefore, there is more information about their biography and they are more well known in the field. Interesting finding is that there is no such drastic difference in biography coverage between different genders of artists in reviews in Telegram and it can only be found in magazines.

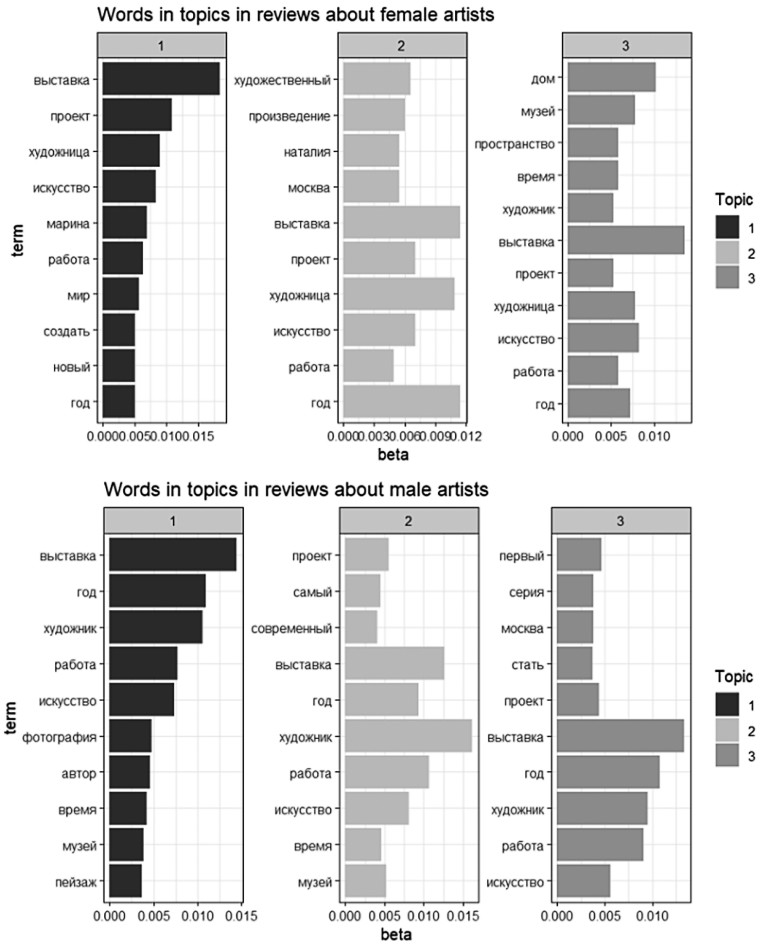

Fig. II. The graph on the left: list of words belonging to subtopics in reviews about female artists. The graph on the right: list of words belonging to subtopics in reviews about male artists

Also, there are several reviews about exhibitions that are dedicated to anniversaries of the artists who are mostly male. Such exhibitions can be seen as an act of consecration that was explained by Bourdieu: such exhibitions and their media coverage makes the artist be perceived as someone who is worthy of recognition and whose work is worthy to be celebrated and to have an exhibition dedicated to them. And the prevalence of such exhibitions for male artists can be one of the manifestations of gender bias in the art field. Another pattern in art reviews is the presence of reviews about exhibitions that are dedicated solely to female artists with the goal of raising awareness about women in the art field and the authors of reviews talk about the exhibition purpose explicitly.

As for some of the results from previous studies in gender bias in criticism, no comparison of female artists to male artists, specific focus on their personal life and disapproval of their behavior were not noticed in reviews.

As it was already mentioned, differences between reviews of male and female artists are distinct in Telegram and magazines and more than that, there are several more differences between sources of reviews. Authors use less formal language in reviews in Telegram and express more their own opinion about artists, direct recommendation of visiting the exhibition and their own interpretation of art works. In contrast, authors in magazines mostly provide interpretation of artists' work, speeches and also interpretation by exhibition curators and artists and artists biographical information. Such things can also be referred to in reviews written in Telegram but authors tend to provide their opinion too. Also, authors in Telegram sometimes express their judgment about the work structure of museum or exhibition curators and such criticism is not found in texts written in magazines.

Conclusion

The analysis of reviews of male and female artists revealed the presence of gender bias in contemporary art criticism in Russia with several manifestations. The first part of the analysis showed that women receive less attention than male artists with only 29,9% of total reviews being written about female artists. However, the proportion of reviews written about female artists is bigger in Telegram than in magazines which was the first distinction found between different sources of art criticism.

Second manifestation of gender bias that was found was the difference in lengths of the reviews — texts about female artists tend to contain less words while taking into account overall data. However, while comparing

this metric separately in different sources it was found out that the mean length is slightly higher for reviews about female artists in Telegram but drastically smaller in magazines. One of the reasons for longer length of reviews written about male artists is a greater focus on the biographies and accomplishments of male artists particularly in magazine reviews.

These findings correspond with Bourdieu's theory of cultural consecration (1984) and also demonstrate the role of institutionalization in this process which was also mentioned in the Braden's (2009) study which examined what artists' characteristics affect if they will be included in art history textbooks. It can be observed that male artists are distinguished more as worthy of recognition in the art field and such institutions as media and magazines particularly determine the level of exposure that artists have and directly impact on consecration of male artists: a greater focus on male artists and exclusion of female artists in media coverage which reinforces established gender norms and biases.

Interesting observation was revealed that the positive sentiment of words is slightly higher for female artists and reviews written in Telegram channels which can be interlinked since the proportion of reviews written about women is higher in Telegram. Overall, no specific gender wording and unique words used specifically for male and female artists were found. It was also found out that there is no relationship between gender of the reviewer and gender of the artist.

One of the main findings alongside the presence of gender bias in art criticism is also the difference between two sources of art reviews and the way gender bias is manifested in them which corresponds with Verboord's (2011) theory on the democratizing effect of online media. The author studied the distinctions in criticism of cultural products in different media and stated that online attention to artistic products offers a more democratic and diverse media coverage of artists and promotion of their work than traditional media which historically played a formal and institutionalized role in criticism of cultural products.

Magazines and Telegram channels can be contrasted as a traditional print media and online platform with more informal discussion of cultural products and less structured criticism. Such media coverage as in Telegram and other online platforms allows for a larger number of cultural products to receive attention which is beneficial for those artists who are in a more disadvantageous position and can be overlooked in traditional media. As it was seen from the results, female artists are mentioned more in Telegram than in reviews written in magazines and also it was found out in study by Verboord M. (2011) how for example female authors are almost two times more likely to get ratings

on online media platforms like Amazon and Goodreads than male authors. Mentioned above differences between media sources can be observed not only through changes in the proportion of reviews about female artists in Telegram but also through the presence of criticism of work of museum and curators and expression of personal opinion on the work of artists.

Limitations and further research

It would be interesting for the further research to analyze data from other online sources and texts written not by professional critics and journalists but by the general public. Even when taking data from Telegram, I still considered journalists and art critics who have different levels of symbolic capital and professionalism compared to the general public and still distinctions between media coverage of female and male artists in different types of media were found. Therefore, new distinctions of media coverage and art criticism could be found taking into account how online platforms provide a lot of space for a discussion for different people with no institutionalized barriers as in magazines.

One of the limitations of the research is the small dataset and few Telegram channels of male journalists because of the general lower presence of it. Even though it was found out that there is no relationship between the gender of the reviewer and the artist, such constraint may affect the representativeness of the sample since the findings might not fully show the broader patterns of gender bias in art criticism within different media sources. There would be more male authors of the reviews if the general public is taken as a data source. Also, general extension of collected data may provide new and more representative findings that show a deeper picture of gender bias in art criticism in Russia.

Источники

Чао Ч. Арт-феминизм в контексте современного искусства // StudNet. — 2020. — Т. 3, № 3. — С. 9–13.

Максунова А. А. Понятие современного искусства: определение, социальные институты, направления // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis historica juvenum. — 2018. — № 1 (14). — С. 315–322.

Armstrong C. L. The influence of reporter gender on source selection in newspaper stories // Journalism & Mass Communication Quarterly. — 2004. — Vol. 81, no. 1. — P. 139–154.

Berkers P., Verboord M., Weij F. “These Critics (Still) Don’t Write Enough about Women Artists” Gender Inequality in the Newspaper Coverage of Arts and Culture in France, Germany, the Netherlands, and the United States, 1955–2005 // *Gender & Society*. — 2016. — Vol. 30, no. 3. — P. 515–539.

Bourdieu P. The field of cultural production: Essays on art and literature. — New York: Columbia University Press, 1993. — 332 p.

Bourdieu P. Distinction. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. — 613 p.

Braden L. E. From the Armory to academia: Careers and reputations of early modern artists in the United States // *Poetics*. — 2009. — Vol. 37, no. 5–6. — P. 439–455.

Conor B., Gill R., Taylor S. Gender and creative labour // The sociological review. — 2015. — Vol. 63, no. 1, suppl. — P. 1–22.

Deepwell K. Art criticism and the state of feminist art criticism // *Arts*. — MDPI. — 2020. — Vol. 9, no. 1. — P. 1–50.

Dumais S. A. Cultural capital, gender, and school success: The role of habitus // *Sociology of education*. — 2002. — Vol. 75, no. 1. — P. 44–68.

Feigenbaum A. ‘Some guy designed this room I’m standing in’: marking gender in press coverage of Ani DiFranco // *Popular music*. — 2005. — Vol. 24, no. 1. — P. 37–56.

Filsbäck M., Lindström S. Work-family conflict among professional visual artists in Sweden: Gender differences in the influence of parenting and household responsibilities // *Nordisk kulturpolitisk tidskrift*. — 2014. — Vol. 16, no. 2. — P. 239–267.

Ginis K., Stewart S. E., Kronborg L. Gender and artistic creativity: The perspectives and experiences of eminent female visual artists // *The Journal of Creative Behavior*. — 2023. — Vol. 57, no. 4. — P. 622–649.

Mangani A. Media bias against women in music: an empirical analysis of Italian music magazines // *Economia Politica*. — 2021. — Vol. 38, no. 2. — P. 657–676.

Miller D. L. Symbolic capital and gender: Evidence from two cultural fields // *Cultural Sociology*. — 2014. — Vol. 8, no. 4. — P. 462–482.

Miller D. L. Gender and the artist archetype: Understanding gender inequality in artistic careers // *Sociology Compass*. — 2016. — Vol. 10, no. 2. — P. 119–131.

Nemser C. Art criticism and women artists // *Journal of Aesthetic Education*. — 1973. — Vol. 7, no. 3. — P. 73–83.

Nochlin L. Why have there been no great women artists? // Jones A. (ed.). *The Feminism and Visual Culture Reader*. — New York: Routledge, 1971. — P. 229–233.

Roose H., Roose W., Daenekindt S. Trends in contemporary art discourse: Using topic models to analyze 25 years of professional art criticism // *Cultural Sociology*. — 2018. — Vol. 12, no. 3. — P. 303–324.

Verboord M. Cultural products go online: Comparing the internet and print media on distributions of gender, genre and commercial success // *Poetics*. — 2011. — Vol. 39, no. 5. — P. 404–422.

White H. C., White C. A. Canvases and careers: Institutional change in the French painting world. — Chicago: University of Chicago Press, 1965. — 173 p.

Сведения об авторе

Бухарова Анна Сергеевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
Bukharova03@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 05.02.2025;
поступила после рецензирования и доработки: 10.03.2025;
принята к публикации: 11.03.2025.

ANNA S. BUKHAROVA

*HSE University
St. Petersburg, Russian Federation*

GENDER BIAS IN ART CRITICISM IN RUSSIA IN XXIst CENTURY

Abstract. Analysis of research papers shows that cultural capital defines one's social position in the field of cultural production including the field of art. In the context of art production and critique, cultural capital affects the way people evaluate and interpret the works of artists. Several studies have proven the presence of gender bias in the art field which manifests in representation, evaluation, career opportunities in the art field and different social expectations around artists depending on their gender. So, I thought that it would be interesting to study if there is a difference in the way people write critique about works of female and male artists, especially considering the fact that there are not a lot of studies that are focusing on this topic in Russia. The data for the analysis is reviews from art magazines and social media platform Telegram. I used text analysis and statistical tests to examine the difference between reviews: the words used by critics, amount of reviews written, the sentiment conveyed in their reviews, topic modeling and whether these factors vary depending on the artist's gender and media where the reviews were published. Results of the analysis showed the presence of gender bias in contemporary art criticism in Russia with several manifestations such as lower amount and lengths of reviews written about female artists. Another important finding was the difference between magazines and Telegram channels (traditional print media compared to online platforms with more informal discussion of cultural products and less structured criticism). The analysis revealed that female artists are mentioned more in Telegram than in reviews written in magazines.

Keywords: gender inequality, cultural study, art field, art criticism, text analysis

For citation: Bukharova A. S. Gender Bias in Art Criticism in Russia in 21st century. St. Petersburg Sociology Today. 2025. No. 27. P. 14–40. DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.m1xh-8n24; EDN: HOCTDF

References

- Armstrong C. L. The influence of reporter gender on source selection in newspaper stories. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 2004, vol. 81, no. 1, pp. 139–154.
- Berkers P., Verboord M., Weij F. “These Critics (Still) Don’t Write Enough about Women Artists” Gender Inequality in the Newspaper Coverage of Arts and Culture in France, Germany, the Netherlands, and the United States, 1955–2005. *Gender & Society*, 2016, vol. 30, no. 3, pp. 515–539.
- Bourdieu P. *The field of cultural production: Essays on art and literature*. New York, Columbia University Press, 1993, 332 p.
- Bourdieu P. *Distinction*. Cambridge MA, Harvard University Press, 1984, 613 p.
- Braden L. E. From the Armory to academia: Careers and reputations of early modern artists in the United States. *Poetics*, 2009, vol. 37, no. 5–6, pp. 439–455.
- Ciao Ch. Art-feminism in the context of contemporary art. *StudNet*, 2020, vol. 3, no. 3, pp. 9–13. (In Russ.)
- Conor B., Gill R., Taylor S. Gender and creative labour. *The Sociological review*, 2015, vol. 63, no. 1, suppl., pp. 1–22.
- Deepwell K. Art criticism and the state of feminist art criticism. *Arts. MDPI*, 2020, vol. 9, no. 1, pp. 1–50.
- Dumais S. A. Cultural capital, gender, and school success: The role of habitus. *Sociology of education*, 2002, no. 75 (1), pp. 44–68.
- Feigenbaum A. ‘Some guy designed this room I’m standing in’: marking gender in press coverage of Ani DiFranco. *Popular music*, 2005, vol. 24, no. 1, pp. 37–56.
- Flisbäck M., Lindström S. Work-family conflict among professional visual artists in Sweden: Gender differences in the influence of parenting and household responsibilities. *Nordisk kulturpolitisk tidsskrift*, 2014, vol. 16, no. 2, pp. 239–267.
- Ginis K., Stewart S. E., Kronborg L. Gender and artistic creativity: The perspectives and experiences of eminent female visual artists. *The Journal of Creative Behavior*, 2023, vol. 57, no. 4, pp. 622–649.
- Maksunova A. A. The concept of modern art: definition, social institutions, trends. *Bulletin of the Scientific Association of Students and Postgraduates of the Faculty of History of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series: Studis historica juvenum*, 2018, no. 1 (14), pp. 315–322. (In Russ.)
- Mangani A. Media bias against women in music: an empirical analysis of Italian music magazines. *Economia Politica*, 2021, vol. 38, no. 2, pp. 657–676.
- Miller D. L. Symbolic capital and gender: Evidence from two cultural fields. *Cultural Sociology*, 2014, vol. 8, no. 4, pp. 462–482.
- Miller D. L. Gender and the artist archetype: Understanding gender inequality in artistic careers. *Sociology Compass*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 119–131.
- Nemser C. Art criticism and women artists. *Journal of Aesthetic Education*, 1973, vol. 7, no. 3, pp. 73–83.
- Nochlin L. Why have there been no great women artists? Jones A. (ed.). *The Feminism and Visual Culture Reader*. New York, Routledge, 1971, pp. 229–233.
- Roose H., Roose W., Daenekindt S. Trends in contemporary art discourse: Using topic models to analyze 25 years of professional art criticism. *Cultural Sociology*, 2018, vol. 12, no. 3, pp. 303–324.

Verboord M. Cultural products go online: Comparing the internet and print media on distributions of gender, genre and commercial success. *Poetics*, 2011, vol. 39, no. 5, pp. 404–422.

White H. C., White C. A. *Canvases and careers: Institutional change in the French painting world*. Chicago, University of Chicago Press, 1965? 173 p.

Information about the author

Bukharova Anna S., HSE University,
St. Petersburg, Russian Federation
Bukharova03@yandex.ru

Received: 05.02.2025;

revised after review: 10.03.2025;

accepted for publication: 11.03.2025.

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА / ЧЕЛОВЕК И СРЕДА ОБИТАНИЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.84kh-8779

EDN: HDGPUA

УДК 316.334.56

ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА ПАРХОМЕНКО

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия*

СОВРЕМЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА: АНАЛИЗ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ЗА 2013–2023 гг.

Аннотация. В исследовании анализируются тенденции топонимической политики Санкт-Петербурга за десятилетие с 2013 по 2023 г., а также процессы наименования городской инфраструктуры, их ключевые закономерности. Топонимы играют важную роль в формировании коллективной памяти и идентичности, будучи частью «инфраструктуры памяти» (Irwin-Zarecka 1994). Вопросы присвоения и возвращения названий объектов городской среды давно находятся в центре внимания различных дисциплин, особенно в контексте постсоциалистических стран (Burd 2008; Light, Young 2015; Polyushkevich 2018). Топонимическая политика Санкт-Петербурга уже рассматривалась в ряде исследований (Terentev 2015; Abramov, Terentev 2014), однако современные тенденции и практики наименования городских объектов остаются недостаточно изученными. Работа опирается на концепции символической власти Пьера Бурдьё (1979) и коллективной памяти Мориса Хальбвакса (1992). Анализ проводится на основе данных, полученных с официального Топонимического портала Санкт-Петербурга, где рассматриваются названия улиц, мостов и парков, появившиеся или возвращенные в период с 2013 по 2023 г. Эти данные группируются по их символическому значению и анализируются с применением методов описательной статистики с помощью языка R. Для более детального изучения политики наименований дополнительно проведены два экспертных интервью с членами Топонимической комиссии Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: топонимика, коллективная память, символическая политика, городское пространство, социология города

Ссылка для цитирования: Пархоменко Д. Д. Современное пространство города: анализ топонимической политики Санкт-Петербурга за 2013–2023 гг. // Петербургская социология сегодня. — 2025. — № 27. — С. 41–73. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.84kh-8779; EDN: HDGPIUA

Introduction

Urban spaces are living entities, continuously transformed by the interplay of historical, cultural, political and social forces. One of the most visible and symbolic manifestations of this evolution is the toponymy, or the naming of places within a city. Toponymic policy is the official approach to naming and renaming streets, squares, parks, and other urban elements. It provides profound insights into the identity, values, and priorities of a city at a given time. This paper focuses on the toponymic policy in Saint Petersburg from 2013 to 2023, aiming to unravel the prevailing trends and underlying patterns that have shaped the city's urban nomenclature over the past decade.

The study is grounded in the theoretical framework of critical toponymy (Terentev 2014) that examines the socio-cultural significance of place naming and its impact on urban identity. To address these questions, it employs a mixed approach, combining quantitative analysis of naming trends with qualitative interviews with experts of St. Petersburg Toponymic commission.

This topic is crucial as it sheds light on how urban naming practices reflect and shape collective memory, cultural heritage, and social values. Understanding toponymic policy is essential for comprehending how a city like Saint Petersburg negotiates its past and present, navigating between honoring historical legacies and adapting to contemporary socio-political contexts.

Theoretical framework

Pierre Bourdieu defined symbolic power as a type of non-coercive power expressed through symbols and cultural connotations (Bourdieu 1979). Owners of cultural capital wield the power of the symbol, using it to influence not only other people's perceptions of reality and social institutions but also their own perspectives on life. The capacity to shape the collective mindset without resorting to coercion is known as symbolic power. Embedded in customs and establishments, it frequently goes unrecognized as a kind of subjugation since the subjugated have internalized it in some way.

Bourdieu claimed that symbolic power functions effectively when it is mistakenly understood as arbitrary and when what he refers to as "symbolic

violence” obscures its arbitrary nature (Bourdieu 1979). Instead of being physical, this violence takes the shape of social dominance that is shown in the capacity to impose interpretations and have them accepted as true. Therefore, a shared confidence in the legitimacy of the power exercised by the person in charge of culture’s symbolic dimensions is necessary for symbolic power to exist. Toponyms can be viewed as a form of symbolic power in action. Place naming and renaming are acts of symbolic violence that represent and perpetuate social power structures. Authorities have the ability to mold collective memory, identity, and historical perceptions through their control over the toponymic landscape.

The theory of collective memory introduced by Maurice Halbwachs emphasizes that memory is a social process, rooted in group interactions and social contexts (Halbwachs 1992). Halbwachs argued that these social structures shape individual memories, resulting in a collective image of the past. In order to maintain social identity and cohesiveness, collective memory is selective and changes throughout time in response to the requirements and ideals of the community.

Place names contribute to group identity by narrating a community’s story and linking its present to its past, fostering a sense of belonging. Through commemorative naming societies honor significant individuals and events, ensuring their place in collective memory. Toponyms are a vital part of “memory infrastructure”, which encompasses the various physical, cultural, institutional, and social mechanisms that support collective memory (Irwin-Zarecka 1994: 13).

Toponyms play a crucial role in collective memory by embedding historical and cultural significance in the physical landscape. They act as everyday reminders of historical events and figures, anchoring collective memory in place. Changes in toponyms often reflect shifts in social and political power, as new regimes rename places to align with their ideological narratives.

Toponymy in post-socialist space

In order to investigate the various geopolitical and historical settings of place naming schemes, Rusu (2021) conducted a systematic study of the literature on urban toponymy. While place names may be used to promote national identity and unity in contexts of nationalism and statehood, toponymics may involve efforts to decolonize place names and establish cultural sovereignty in places with histories of imperialism and colonialism. Another finding suggests that democracies that have transitioned from

totalitarian to democratic rule may rename streets to honor resistance groups and break with tradition. In this context, a large number of works are focused on the process of de-Sovietization of the urban landscape in post-socialist countries (Božilović, Petković 2022; Kazakevich 2011; Light 2004; Rusu 2019).

The post-Soviet toponymic policy in Russia constitutes a distinctive area of study, particularly concerning the efforts to restore the cultural and historical identity of cities through toponymic restoration (Gill 2005; Terentev, Abramov 2014; Polyushkevich 2019). This process involves reinstating historical names that were predominantly changed during the Soviet era for ideological reasons. However, despite the general trend of de-Sovietization of urban space, Toponymic changes in post-Soviet Russia have not been without controversy. These changes often spark debates about identity, memory, and the appropriate way to honor the past. Some view the renaming efforts as a necessary step in coming to terms with Soviet history and building a new national identity, while others see it as an erasure of important aspects of the country's heritage (Terentev 2015).

Historical legacy of Saint Petersburg

Anaïs (2017) provides a historical analysis of Saint Petersburg's renaming policy, defining the renaming process as a temporal boundary-making practice in collective memory in order to influence people's self-determination during periods of political regime change.

The case of Saint Petersburg is interesting because of its urban landscape embodying two conflicting identities: Saint Petersburg as the "window to Europe" and the capital of the Russian Empire, and Leningrad as the "cradle of three revolutions". Throughout the 20th century, the city witnessed the collapse of the monarchy, the rise of the Soviet regime, and its eventual dissolution. These political transformations were accompanied by four waves of toponymic purges, aimed at constructing a new national narrative while erasing previous historical markers:

1. The Red Wave: 1918–1924

Following their rise to power, the Bolsheviks utilized toponymic changes as a tool to solidify their ideology and authority. Pre-revolutionary names associated with monarchs, aristocracy, and religion were replaced with those honoring communist ideologists and revolutionaries. By the end of this wave, around 500 names had been altered, which constituted about a third of the total toponyms.

2. The Catharsis Wave: 1941–1952

This wave was triggered by the Nazi invasion and the Siege of Leningrad during World War II. The city underwent a de-Prussianization process, with toponyms linked to German figures being renamed, as anything German had acquired negative connotations. Additionally, some pre-revolutionary names, deeply ingrained in the public memory, were reinstated, and names associated with traumatic events were removed to foster unity and boost morale.

3. The Third Wave: 1989–1990

The third renaming wave swept the entire country, driven by activists and representatives of culture and science who proposed restoring pre-revolutionary names, seeing them as vital parts of historical heritage dismissed by the Soviet regime. This initiative was notably grassroots-driven, making the toponymic reforms democratic in nature. The newly emerging civil society pressed for the return of historical names to urban spaces. One of the most striking examples of an early successful return was the restoration of the historic name of the Primorsky District, formerly Zhdanovsky, through the petitions of local residents.

4. The Fourth Wave: 1991 and onwards

Following the collapse of the Soviet Union, de-Sovietization of urban space commenced. The city returned to its pre-revolutionary name, and toponymic policy was directed at the revival of St. Petersburg's European identity. This effort distanced the city from its Soviet past and fitted into the country's foreign policy goals of rapprochement with Western nations. A Toponymic Commission was formed to regulate naming policy and process proposals from various local activists and associations. While democratization had been gradual in the previous years, the late 90s saw the process of new toponym approval become more politicized as city authorities monopolized decisions, resulting in fewer renaming.

While extensive research has been conducted on the immediate post-Soviet period and the initial waves of renaming, contemporary studies addressing current trends and policies in toponymy are scarce. Toponymic policy in the context of a rapidly developing city with a multi-layered historical past remains a relevant subject for exploration. Thus, there is a need for updated research reflecting the current evolution of place names in contemporary Russia. This paper aims to analyze the toponymic situation and identify the main naming patterns in St. Petersburg over the last 10 years to contribute to toponymy studies.

Methodology

Database

The data was taken from the Registry of Street, Bridge, Garden, and Park Names of St. Petersburg, posted on the Toponymic Portal of St. Petersburg¹. The registry is an official source of information on the names and boundaries of city objects, approved by Resolution of the Government of St. Petersburg No. 117². The version of the registry used in this work is current as March 4, 2024. The registry is a text document in doc format, which includes general provisions comprising terms, definitions of basic concepts, as well as rules for writing and inflecting names. The registry contains the following tables:

Table 1 — Names of historical districts and their boundaries

Table 2 — Names of territorial zones and their boundaries

Table 3 — Names of elements of the street-road network of St. Petersburg (excluding federal highways and elements of the street-road network of St. Petersburg in the territories of intracity municipal formations of St. Petersburg with the status of a city or a settlement)

Table 4 — Names of elements of the street-road network of St. Petersburg (excluding federal highways) in the territories of intracity municipal formations of St. Petersburg with the status of a city (settlement)

Table 5 — Names of bridges in St. Petersburg

Table 6 — Names of overpasses in St. Petersburg

Table 7 — Names of tunnels in St. Petersburg

Table 8 — Names of territories of green plantings for public use

To create a database for analysis, I used data from Tables 3, 4, 5, and 8. Data from Tables 6–7, which include information about overpasses and tunnels, were not added to the database due to following reasons: firstly, the names were assigned based on the geographical principle (by the name of the territory on which the object is located), and secondly, these objects were placed in areas with low pedestrian accessibility making them difficult to access for visual perception and, thus, reducing the symbolic significance of the toponyms. Tables 3–5 included 3 categories: Name of elements, Boundaries, Date of name assignment (reinstatement). Table 8 had an

---

¹ Реестр наименований улиц, мостов, садов и парков Санкт-Петербурга // Топонимический портал Санкт-Петербурга. — URL: <https://toponimika.spb.ru/> (дата обращения: 06.06.2024).

² Постановление Правительства Санкт-Петербурга № 117 от 06.12.2006 г. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/8424731> (дата обращения: 06.06.2024).

additional category, the Identification Number (IN), which contained numbers of territories specified in the Law of St. Petersburg dated September 19, 2007 No. 430-85 “On Green Plantings for Public Use”³. However, this category was excluded since it is not a focus of current research.

Therefore, names of street-road objects (streets, avenues, boulevards, etc.), bridges, and territories of green plantings for public use (gardens, parks, squares) listed in the tables were selected. The total number of objects was 4855. Next, data from the doc format was converted to xlsx format.

Using Excel functions, modifications were with the category “Date of Name Assignment”. Firstly, all alphabetical and numerical characters except the year of name assignment were removed, and then the data was converted to numeric format. Then, names that occurred from 2013 to 2023 were selected using filtering by year. It should be noted that there were 2260 missing values, which were also omitted during filtering. Since according to the registry description, dates are present if known, it can be concluded that the objects with missing data in this category do not have an officially established date of name assignment. It can be assumed that for 2013–2023 years, official dates are known and present in the tables due to the fact that toponymic policy has been organized and documented over the given period.

The database contains 541 names that emerged from 2013 to 2023, including 303 street-road network objects (162 within the “Greater” St. Petersburg, 147 in the territory of intra city municipal formations with the status of a city (settlement), 55 bridges, and 183 territories of green plantings for public use (parks, squares, gardens). Data are provided for three categories: *Name of the element*, *Boundaries*, *Year of name assignment*.

Classification

The classification was created based on the sources published on the Toponymic Portal of Saint Petersburg. The main sources were the Protocols of the Toponymic Commission from 2013–2023, as well as the Database of toponyms of Saint Petersburg (only for green zones and bridges. The protocols provide a written record of the process of reviewing and assigning place names, while the Database of toponyms contains brief information about the object and its name, including a short historical reference if

---

³ Закон Санкт-Петербурга о зеленых насаждениях общего пользования № 430-85 от 19.09.2007. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/8458668> (дата обращения: 06.06.2024).

available. When creating the classification, the primary criterion was the explanation of the reason for assigning a name to an object, i.e., the mechanisms of toponym assignment. This is an important aspect because, in addition to the mechanisms, there are the motives for assigning names, as well as the mechanisms of the territorial location of toponyms; however, the study of these is not the focus of this research.

The distinction between the motives and mechanisms of naming is made by George R. Stewart (1954), an American toponymist and the creator of the most well-known classification of toponyms. He defines motives as “*the psychological processes of the original namers in distinguishing one place from another by various methods*” (Stewart 1954: 1). Based on American toponyms, Stewart identified nine main classes of toponyms: descriptive names, possessive names, incident names, commemorative names, euphemistic names, manufactured names, shift names, folk etymologies, and mistake names. Each type has several subcategories as well as interrelated categories.

In creating classification, I relied on the logical principle of Stewart’s classification but haven’t used categories distinguished by him due to several reasons. Firstly, the American and Russian naming traditions have cultural and historical differences. Secondly, Stewart’s classification is comprehensive and very detailed as it covers all existing toponyms and the ways they originate. The empirical base used in this paper is limited by the number and type of objects, so I aimed to make the categories less differentiated.

Thus, the classification includes four categories of toponyms:

Commemorative toponyms — these are names assigned in memory of specific events or individuals to preserve the memory of their significance or contribution to the history or culture of the area. This category includes two subcategories:

Period — the historical period during which the event occurred or the historical figure lived and worked. The main divisions are pre-revolutionary (before 1917), Soviet (1917–1991, the Soviet period is considered from the Bolshevik takeover in 1917, not from the actual establishment of the USSR in 1922), and post-Soviet (1991 and later). Later, transitional periods were also added: between the 19th–20th centuries and between the 20th–21st centuries for cases when the years of the historical figure’s activity spanned different historical epochs.

Sphere — the field of activity to which the event or historical figure belongs. Four fields were identified: science, culture and sports, military achievements, and public achievements (includes labor and political

achievements). If the commemorated person is associated with two or more fields of activity, the variable is categorized by the activity emphasized in the Protocol when justifying the naming.

Relative toponyms — names assigned relative to other objects in the area. For roads, this group includes two subcategories: geographical — names given in relation to stable natural and territorial features, or urban — toponyms assigned relative to enterprises, public places, or buildings located near the object. For green spaces and bridges, the subcategories are: urban (which has the same meaning, but in the case of green spaces also includes monuments and memorial plaques located on the territory of the object), and shift — since the name was transferred from the name of neighboring object. Urban toponyms are divided by the period of existence and functioning in the urban landscape, where functioning is understood as performing the original purpose of the construction:

- pre-revolutionary (same as commemorative);
- Soviet (same as commemorative);
- existing — those objects that currently exist in the urban landscape not only as architectural monuments but also fulfill their functional purpose.

Historical toponyms — toponyms assigned to preserve a historical name. These can either be the restoration of original names or names given after lost names of urban environment objects, often justified by “preserving the historical name”.

Thematic toponyms — neutral, abstract names that are not directly related to the city but are part of thematic toponymic ensembles or naming traditions.

Descriptive statistics and visualization

For the quantitative descriptive analysis, a dataset including all classified toponyms was created. For ease of analysis, the data was divided into three separate datasets for each type of object: roads, green zones, and bridges. Each dataset contained the variables “Name of the element,” “Boundaries,” “Year of name assignment,” “District,” and “Name category,” as well as the variables “Sphere” and “Period” for subcategories. The dataset for roads also included an additional binary variable, “Status of the area,” for analyzing naming patterns of streets within “Greater” St. Petersburg and intra-city municipal territories with the status of a city or settlement. Furthermore, using the software R quantitative indicators were analyzed and the main naming patterns were visualized with the ggplot2 package.

Expert interviews

Two semi-structured expert interviews were conducted with members of the Toponymic Commission and specialists in urban toponymy to better understand the trends in modern toponymic policy. The interviews were conducted in person. Respondents were selected using the snowball sampling method. The first respondent was Alexey Dmitrievich Erofeev, a journalist and local historian, and a member of the Toponymic Commission since 1991. The second respondent was Andrey Borisovich Ryzhkov, a local historian and employee of the Institute of Cultural Programs, and a member of the Toponymic Commission from 2008–2017 and 2019–2023.

An interview guide was developed consisting of four sections: the Work of the toponymic commission, the Linguistic aspect of toponymy, the restoration of historical names, and the Symbolic significance of toponymy (see Appendix).

1. The Work of the Toponymic Commission section contained the main block of questions regarding naming principles, the process of assigning names, the characteristics of objects, interactions with urban space actors, and modern trends.

2. The Linguistic Aspect of Toponymy section contained questions about the lexical meaning of names and the main trends today. These questions were included because linguistic aspects reflect the features of each era, also shaping the city's space.

3. The Restoration of Historical Names section contained questions about current issues related to the restoration of names, the reasons behind them, and public reaction.

4. The Symbolic Significance of Toponymy section contained questions about the significance of toponymy for forming the historical and cultural image of the city, the problem of the politicization of the urban environment, and contemporary issues in toponymy.

Findings

From 2013 to 2023, a total of 541 names were assigned, including 303 roads, 183 public green spaces, and 55 bridges. For all categories of urban elements, commemorative and relative names are predominant, with 214 and 203 objects respectively. A smaller portion consists of 59 historical names and 65 thematic names, almost in equal measure.

Relative names are most common for bridges, commemorative names for green zones, and both categories are equally significant for roads. Historical

names are less frequent but consistently present, while thematic names, though the least common, have a significant presence in the naming of roads due to the fact that thematic principle is most commonly employed for street naming, but not for green zones or bridges. However, in green zones, commemorative names account for more than half of all place names.

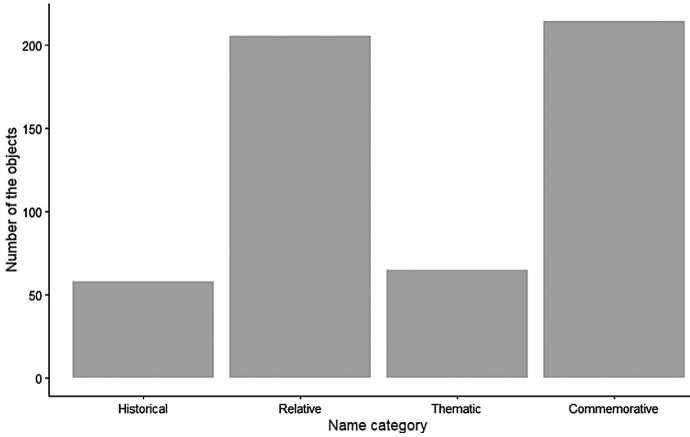

Fig. 1. The distribution of place names by name categories between 2013–2023

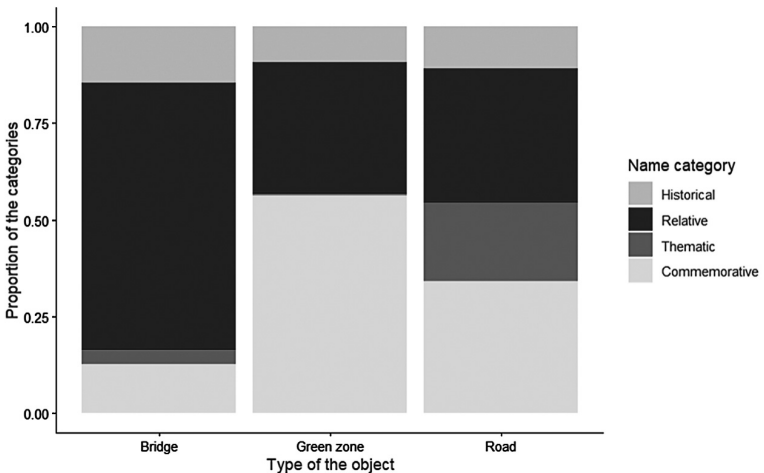
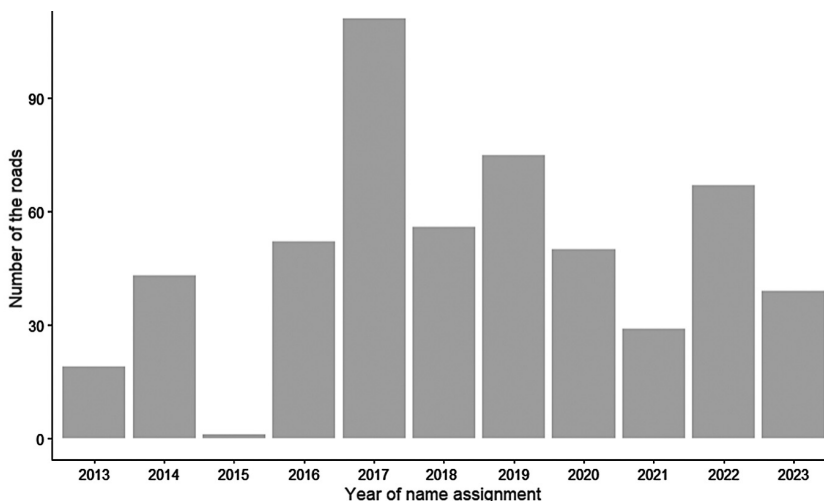

Fig. 2. The proportion of toponyms of different categories by the type of the object for 2013–2023

From 2013 to 2023, an average of 50 names were assigned per year. Interestingly, in 2015, only one assignment was recorded: Heroes-Firefighters Square. However, this distribution is not valid due to the law reforms in toponymic policy:

“In 2015, the lack of assignments was due to the fact that this was the year when the Procedure was adopted. Before 2015, St. Petersburg had no strict legal regulation of these matters at all” (Andrey Ryzhkov).

Fig. 3. The distribution of named objects by the year of the name assignment for 2013–2023

The Procedure and Rules for Assigning Names to Elements of the Street and Road Network⁴ officially regulates the naming procedure, certifying not only formal aspects of toponymy such as addressing, but also the main principles of naming.

According to the law, the naming of objects in St. Petersburg must adhere to modern Russian literary language norms, consider the city’s historical and cultural traditions, and reflect the functional purpose, location, and historical characteristics of the area. Two important rules are the prohibition of street renaming, meaning a street’s name cannot be changed to another, except for

⁴ Постановление Правительства Санкт-Петербурга № 737 от 24.08.2015. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/822405130> (дата обращения: 06.06.2024).

changes to the status part of the toponym or in case of a grammatical error. Thus, the law legally distinguishes between renaming and restoring names:

“It is impossible to rename a street in St. Petersburg. You can only propose the name that was previously used for this street. But you cannot rename any street out of the blue under the current regulations. The exception is, for example, changing a street to a lane or an avenue, or correcting something in a surname if, for instance, a mistake was made” (Andrey Ryzhkov).

Another restriction is the 20-year moratorium on commemorating outstanding individuals, meaning that commemorative names in honor of a person can be assigned only 20 years after their death. However, exceptions to this rule are possible if the commemorated person has certain state or city awards. This is an effort by the commission to prevent politicization and haste in commemoration:

“This was done for a reason, because it happened that everyone knows the person during their lifetime, but five years later, no one remembers them. On the other hand, this measure was taken to avoid politicizing the map” (Alexey Erofeev).

Following the introduction of the new legal procedure for place naming, the names assigned at the toponymic commission meetings were legally adopted and signed by the governor in the following years. As a result, they were carried over to 2017, which, according to data, had the most named items in a period of ten years (111 names) (see fig. 3). Thus, the yearly distribution may be incorrect since, in the Registry from where the data were obtained, the date of name corresponds to the date of the St. Petersburg government proclamation, although the classification was based solely on the Commission meeting protocols. The process from the commission’s decision to the official naming goes through a chain of approvals from municipal authorities and the governor, so the naming does not happen immediately:

“In general, such a cycle takes at least two months if everyone is in a hurry and rushing. Otherwise, it can take six months, or even up to a year from the moment the initiative is launched to the signing of the decree” (Andrey Ryzhkov).

Thus, when the yearly distribution is considered, a margin of error of one year should be accounted for (the case with 2015 and 2017 years can be considered an exception due to the introduction of the law).

Overall, the proportional distribution of assigned categories by year shows a fairly stable trend, except for 2015 (where only one name was assigned). Interestingly, thematic names significantly decreased after 2019, and the majority of names became relative and commemorative categories.

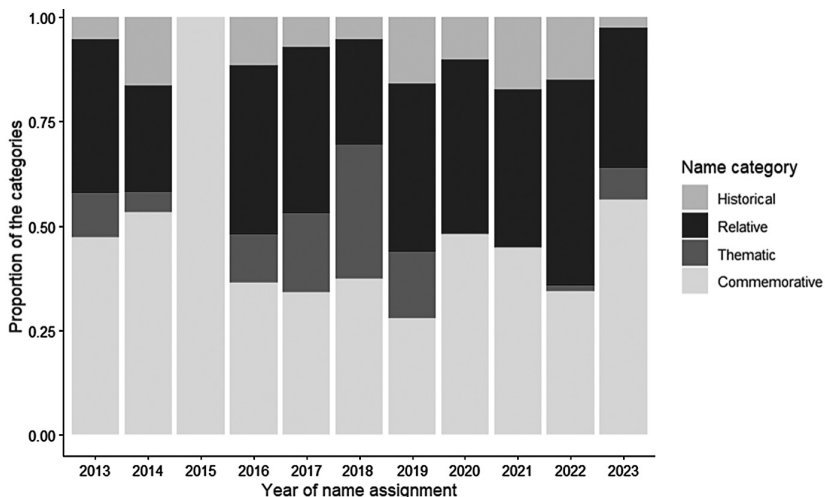

Fig. 4. The proportion of toponyms of different categories by the year of name assignment for 2013–2023

In particular, the trend of commemoration has gained traction over the past five years:

“There was a surge in commemorations. Not 10 years ago, but I would say it started gaining momentum about five years ago. Around 2019, I guess” (Andrey Ryzhkov).

One of the reasons, according to the expert, is the influence of the city authorities, who promote commemoration initiatives:

“This surge was characterized by the fact that the city authorities increasingly took on the role of additional promoters of specific commemorative initiatives” (Andrey Ryzhkov).

Another factor contributing to the growth of commemorative names is the emergence of a large number of unnamed squares and gardens due to the St. Petersburg law of 19.09.2007 No. 430-85 “On Public Green Spaces,” which expanded the legal requirements for granting land areas the status of a square, park, garden, etc., and, accordingly, the possibility of naming the object.

“We suddenly found ourselves with a vast army of unnamed squares, which is saving us. Because with the sheer number of proposals for commemorations that are coming in, the streets will never be enough. In fact, it’s the unnamed squares that are now prevalent. This wasn’t the case in the mid-2000s before this law was passed. Now, there are many sites where we can somewhat channel this activity” (Andrey Ryzhkov).

Roads

The toponymic commission broadly adheres to the thematic principle of street naming, which emerged during the Soviet era with the mass construction and development of new districts.

In the north of the city, the Kalininsky and Vyborgsky districts share the theme of science, culture, and art:

“If a new street or district emerges, we try to name them after composers, artists, and actors” (Alexey Erofeev).

In the southwest, the Kirovsky and Moskovsky districts cover the theme of the defense of Leningrad during the Great Patriotic War. The names in the Frunzensky district continue the international theme, where names are associated with Soviet-era allied countries. In the Primorsky district, the theme is related to aviation and space exploration, while the Vasileostrovsky district has a maritime theme. The only districts where the theme has to be abandoned are the Nevsky and Krasnogvardeysky districts. Their theme is associated with the events and heroes of the revolution, but due to the ambiguous attitude towards historical figures of that era, this theme is continued to a lesser extent:

“The right bank had a revolutionary theme during Soviet times, but now, to be honest, we don’t have much desire to commemorate fiery revolutionaries. We manage by assigning names based on local landmarks” (Andrey Ryzhkov).

The principle of naming based on local or geographical landmarks relates to pre-revolutionary naming traditions. It is also used in naming new districts where there is no established theme:

“If it’s about a new area where development is just beginning, themes related to old villages or settlements that exist or existed in that area are possible. For example, closer to Gatchina, the Gatchina district, Luga district, and the southern districts of the Leningrad region are considered. If it’s about the north, the names of settlements on the Karelian Isthmus can be used” (Alexey Erofeev).

Thus, two naming traditions from the Soviet and Tsarist periods continue in modern toponymic policy. Thematic district zones are also divided into more specific clusters, representing toponymic ensembles that can include toponyms of different categories. Commemorative toponyms can also be part of such ensembles if the person or event is connected to the theme:

“If a place is named after a person, that person should have some connection to the area, or at least their line of work should align with the overall theme of the cluster” (Andrey Ryzhkov).

One such example is the toponymic ensemble of streets in the Krasnogvardeysky district dedicated to the theme of painting and artists who worked for children, which appeared in 2016. It includes both commemorative names (Dobuzhinsky Street, Vasnetsovsky Avenue, etc.) and abstract names that fit the theme (Akvarelnaya Street, Peyzazhnaya Street). Another example of a toponymic ensemble is several streets in the Moskovsky district named in 2023 and associated with the nearby Pulkovo Observatory and space exploration. The ensemble includes commemorative toponyms (Struve Street, Georgy Grechko Street), and relative names (Orbitalnaya Street, Meridiannaya Street, etc.).

By the number of assigned names, the Pushkinsky district leads, while the fewest assignments are in the historical districts of Petrogradsky and Admiralteysky, as well as Kirovsky. The only district where not a single name appeared over the decade is Kronstadtsky.

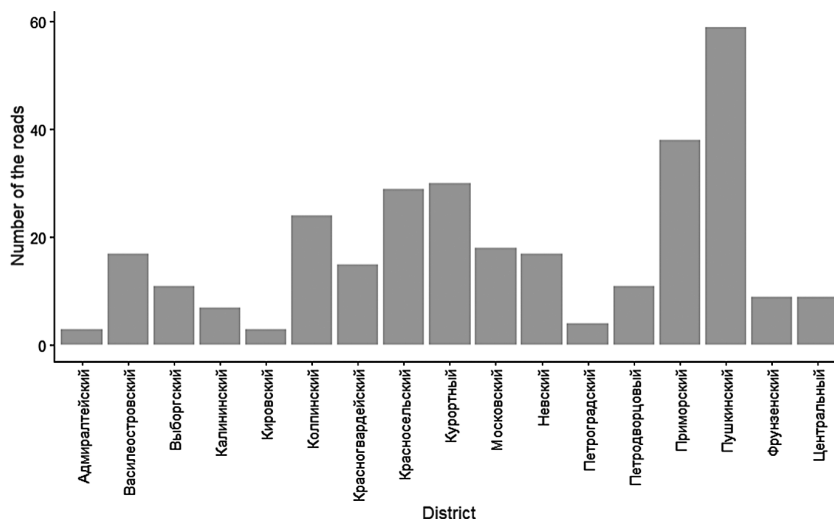

Fig. 5. The distribution of street names by districts between 2013–2023

It is interesting to note that the road and street network is developing equally within the boundaries of “Greater” St. Petersburg and in the inner-city areas with municipal status, which are often considered either suburbs or satellite cities of St. Petersburg. Over the course of 10 years, 162 names appeared in the main city, while 142 objects were named in the municipal areas. The categories of assigned names are also almost identical: compared

to the municipalities, Greater St. Petersburg has a slightly higher number of commemorative and historical names, while the municipalities have more relative and thematic names.

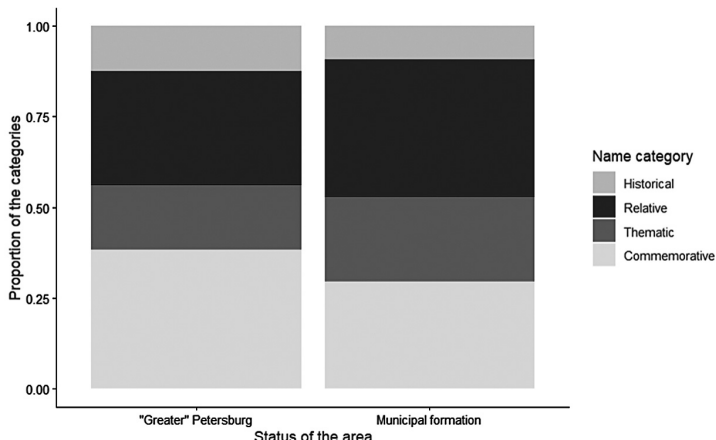

Fig. 6. The proportion of toponyms of different categories by the municipal status of the area for 2013–2023

Despite the special municipal status of these territories, the legal process of naming is no different from other districts of the city. However, experts highlight several characteristics, both positive and negative:

“In such satellite cities, the district administration is very attuned to local traditions. This has both positive and negative aspects” (Andrey Ryzhkov).

By negative aspects, the expert refers to the reluctance of the municipal authorities of satellite cities to align with names assigned in other districts to avoid repeated names, which complicate addressing and reduce the uniqueness of the urban space. An example of this situation is the naming in honor of Cities of Military Glory: Kronstadt, Kolpino, and Lomonosov. On the other hand, focusing on local traditions helps preserve the cultural and historical features of the cities. Often, the initiators are local activists and historians aiming to preserve the historical heritage of the districts:

“Kolpino, for example, is a large town. Some proposals come from the residents of Kolpino themselves because each suburb has its own local historians. There are many of them in Kolpino, and they come up with ideas themselves. They know their heroes, they know what to do. And we listen to them” (Alexey Erofeev).

In addition, the rich history of the satellite cities provides a reason to create themes and toponymic ensembles. For example, in Tsarskoye Selo, several streets were named after contemporaries of Alexander Pushkin. Historical features of the area's toponymy are also considered:

"The name of the Slavyanka district itself prompted us to make the decision to name the streets after ancient Russian cities. Therefore, we now have Rostovskaya, Poltavskaya, and Izborskaya streets" (Alexey Erofeev).

It is worth noting that trends in the naming of municipal zones are heterogeneous. Besides large satellite cities, territories with special municipal status include villages and gardening communities, where toponymy is dominated by "folk creativity," representing abstract names that emerged from everyday life or local characteristics:

"We still have pure folk toponymy preserved in dacha communities... They [names] are all simple, human. And, perhaps, with a certain kind of imagination, like in Pushkinsky district, for example, there is a street called Dreams or a street of White Nights. But I haven't seen a single dacha community with a street named after a person" (Andrey Ryzhkov).

With the developing construction of the city, there is a need to timely assign names to streets in new districts, while the majority of public initiatives are directed at objects within the developed areas of the city. The commission's task is to evenly distribute the flow of proposals and consider urban planning perspectives:

"People's initiative is mainly directed at the objects they see with their own eyes. [...] But, for example, in Shushary, even the residents who buy apartments there are primarily concerned with construction issues, not with what address they will receive. This is their last concern. It turns out that the responsibility for this initiative lies with the toponymic commission. That is, no one except the commission can raise this issue in a timely manner. And from a practical point of view, this is, first of all, a great responsibility, and secondly, a great creative task" (Andrey Ryzhkov).

In particular, complexity arises with historical districts where, despite the rare emergence of new passages, the question of historical names and their restoration comes up. This sparks discussions and attracts the attention of urban environment actors, including activists, public organizations, and municipal authorities. From 2013 to 2023, a total of nine historical names were restored. The most notable and discussed cases were the restoration of Voskresenskaya Embankment instead of Robespierre Street in 2014, and the restoration of Smolyanaya Street instead of Knipovich Street in 2021, which was the most recent restoration of historical names to date. Despite emerging public proposals, the toponymic commission tries to avoid politicized contexts, and the restorations are sporadic:

“This topic [restoration] is slowly fading away. Although periodically there are ideological proponents who want more and more restorations. But often what drives them is, you know, a political aversion to Soviet power and everything that was associated with it. We always try to stay away from politics because the political system of society changes” (Alexey Erofeev).

Historical names appear in the urban landscape not only through restorations but also through assigning names of lost local toponyms to new passages. However, this is also sporadic, and the number of historical assignments has decreased in recent years.

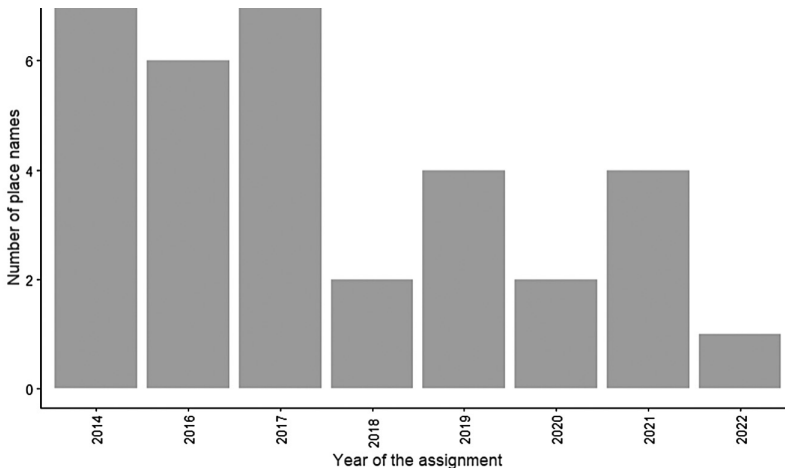
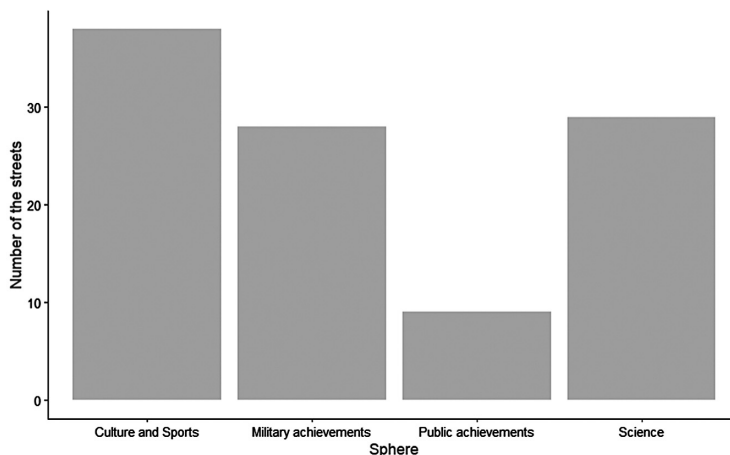

Fig. 7. The distribution of historical toponyms by the year of name assignment for 2013–2023

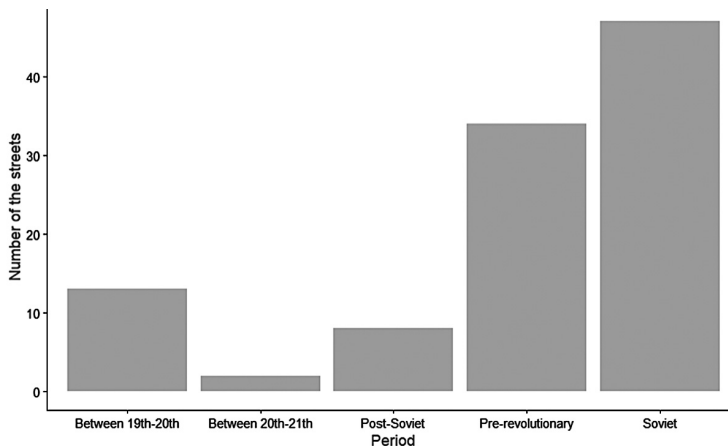
Commemorative street names

Most streets in St. Petersburg are named after cultural and sporting figures. Streets named after military figures and achievements, as well as scientists, are equally present in the urban landscape, although the sphere of public activity, which encompasses political and labor activities, receives the least attention.

The majority of the newly named commemorative streets are related with the Soviet period, however the pre-revolutionary era has also been well represented in the city’s toponymy throughout the last decade. Despite the 20-year prohibition, post-Soviet people and events are becoming more reflected in the urban landscape.

Fig. 8. The distribution of commemorative street names by the spheres between 2013–2023

Fig. 9. The distribution of commemorative street names by the period between 2013–2023

The Soviet period is significantly represented in the sphere of military achievements, with most of the new names commemorating heroes of the Great Patriotic War and military events of that time. The pre-revolutionary period dominates the sphere of public achievements, with new streets named after political figures of Tsarist Russia, as well as individuals who influenced

the development and construction of the city in the 17th and 18th centuries. The scientific sphere is also widely represented by pre-revolutionary scientists and individuals who lived at the turn of the 19th and 20th centuries.

Streets related to the post-Soviet period have been named in memory of two contemporary events. In Peterhof, several streets were named in honor of naval soldiers who died on a submarine in the Barents Sea in 2019. Another example is Mariupolskaya Square, named in honor of the establishment of twin-city relations and partnership between St. Petersburg and Mariupol in 2022.

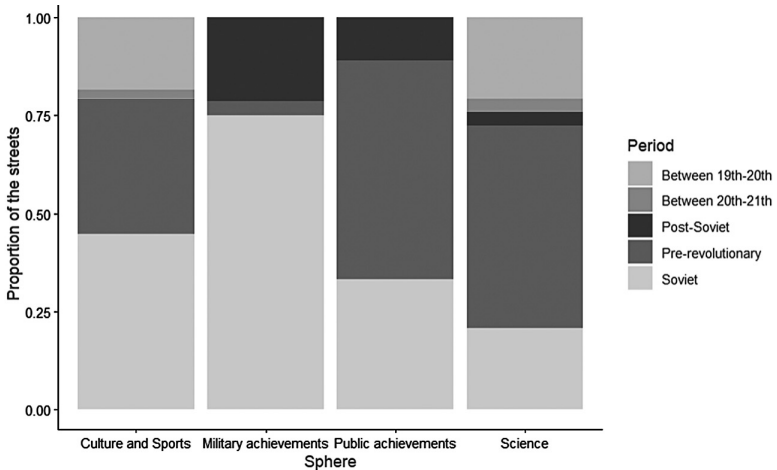

Fig. 10. The proportion of road names of different categories by sphere of activity for 2013–2023

Relative street names

From 2013 to 2015, 103 relative names appeared, including 54 geographical names and 49 urban ones. Geographical names are assigned based on nearby objects through which the passage runs, often roads are named after the settlements to which they lead. Names also appear based on physical features of the area, such as Chernichnaya Street or Okruzhnaya Street, although this method is characteristic of village toponyms in the territory of St. Petersburg. Urban toponyms preserve the memory of places in the city landscape. Most names are assigned in honor of those objects that continue to exist and function in the modern urban space but have a history from the Soviet or pre-revolutionary period.

Urban toponyms also preserve the memory of the pre-revolutionary city landscape, former estates, and historical buildings that have not survived in the urban landscape. Examples of such names include those that appeared in the Central District, such as Banny Lane and Ambarnaya Street, named in honor of public baths and grain barns, respectively, which existed in the 19th century. Names related to the Soviet period are assigned less frequently, as many Soviet enterprises have remained in the city's space to this day.

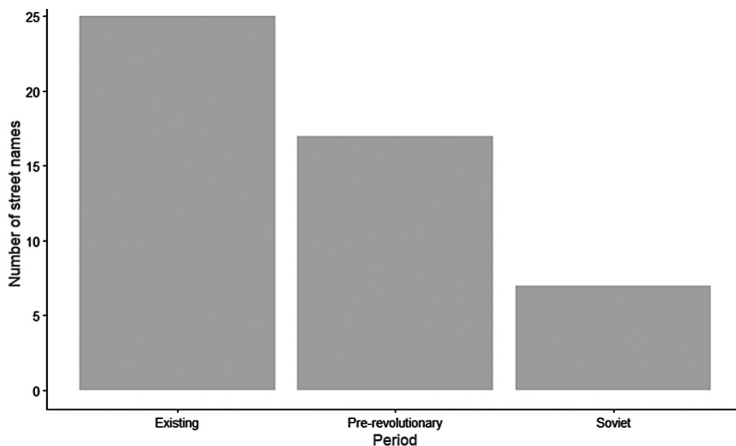

Fig. 11. The distribution of commemorative street names by the sphere of activity between 2013–2023

Green zones

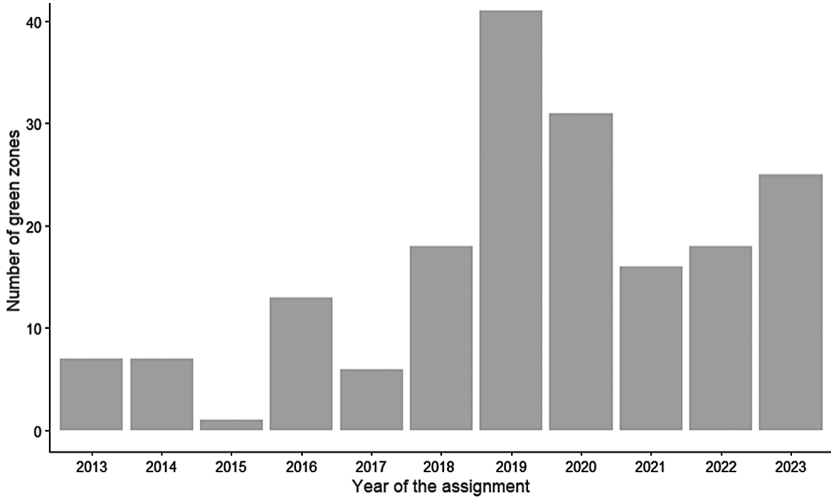
Public green spaces have become areas for implementing a large number of naming initiatives. Over the past 10 years, due to the adopted law, the number of names assigned to green zones has significantly increased.

As already mentioned, a large number of unnamed squares provide an opportunity for toponymic creativity, often initiated by the public:

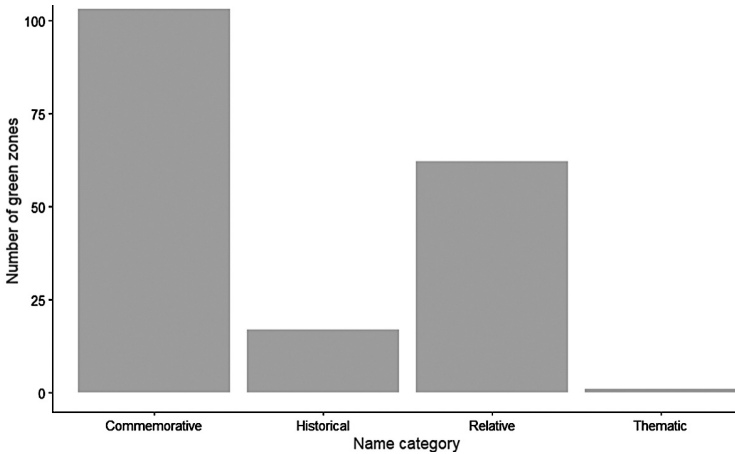
“But there is no theme like with streets, in squares. There, people often turn to us: here is an unnamed square in the area, let’s name it after this artist, that writer, or that hero” (Alexey Erofeev).

Unlike streets, the names of green zones do not have thematic clustering, however, in 2019, one name was assigned based on a thematic principle. Isfakhansky Square in the Frunzensky District was named after the Iranian twin-city of St. Petersburg, Isfahan, which corresponds to the international theme of the district. Historical names are also reintroduced in square names. Names are assigned based on the names of nearby objects that were lost during

changes in the urban environment. Among such names, there is, for example, the unique Molchalivy Square named after a former street to which it adjoins. In an interesting manner, the historical name of Kondratievsky Prospekt was restored as Bezborodkinsky: next to the street, Bezborodko Square appeared.

Fig. 12. The distribution of green zones' names by the year of the assignment between 2013–2023

Fig. 13. The distribution of green zones' names by name category between 2013–2023

Commemorative green zones

Commemorative names make up more than half of all names assigned to green spaces over the past 10 years. An important factor for assigning a memorial name is the direct proximity of the object to the place of residence or activity of the person being commemorated:

“In the case of squares, we try to find a place where this person lived” (Alexey Erofeev).

Commemorative spaces in squares have a more localized character and create a cultural-historical space for the district. If the square is located in a district associated with the commemorated person, then the memorial function is performed more effectively:

“For example, in the Admiralteisky District, there is Lydia Clement Square. The singer died very young. The long-standing residents of Leningrad remember her. And there, people came up with the initiative, because that’s her place of genius. She lived there her whole short life. And they made such a wonderful square there! They made a sculpture of a gramophone record and landscaped the square, everyone remembers Lydia Clement. And it’s one thing to have Lydia Clement Square in this district, and another thing to have it somewhere in Parnas, and nobody would know who she is” (Alexey Erofeev).

Cultural-sporting and military spheres, like in the case of streets, also prevail in commemorative names of green spaces, public achievements, however, there are fewer commemorations of figures in the field of science.

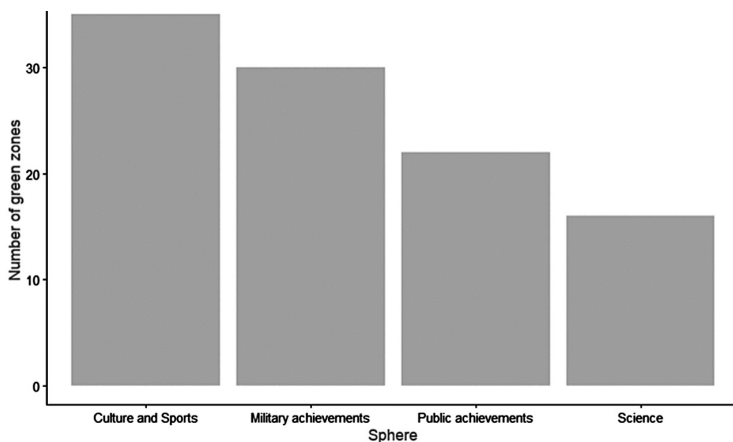

Fig. 14. The distribution of commemorative green zones’ toponyms by the sphere of activity for 2013–2023

The Soviet period occupies a significant portion of commemorative toponyms in green spaces. Interestingly, compared to streets, squares more often commemorate figures and events from the post-Soviet and intermediate (between the 20th and 21st centuries) periods.

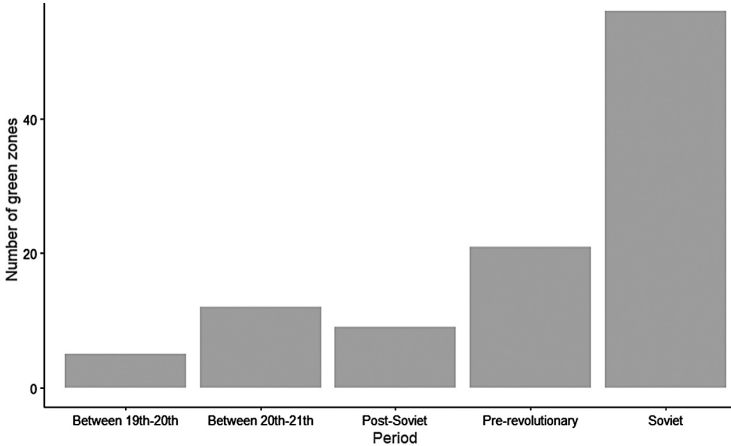

Fig. 15. The distribution of commemorative green zones' toponyms by the historical period for 2013–2023

Similar trends can be observed in square names compared to commemorative streets. Most toponyms commemorating military feats belong to the Soviet period. The Soviet era also prevails in the cultural-sporting sphere. In the field of science, half of the names are dedicated to pre-revolutionary figures, but the overall proportion of toponyms related to Tsarist Russia is lower than in street names. The post-Soviet period (including figures from the 20th and 21st centuries) commemorates events and outstanding personalities of post-Soviet history. Urban space reflects the memory of figures in science, as well as public and military events. For example, there's the Pskov Paratroopers Square, dedicated to the heroes who died in the Second Chechen War in 2000, as well as the Memorial Square, dedicated to participants of local wars and conflicts. Important geopolitical events have also found reflection in the city's toponymy: the appearance of Crimea Square commemorating the annexation of Crimea, and Incheon Square in Kronstadt, solidifying the partnership between cities. The city has also commemorated events during the pandemic — the

Mercy Garden appeared in honor of medical workers who died while fighting COVID-19.

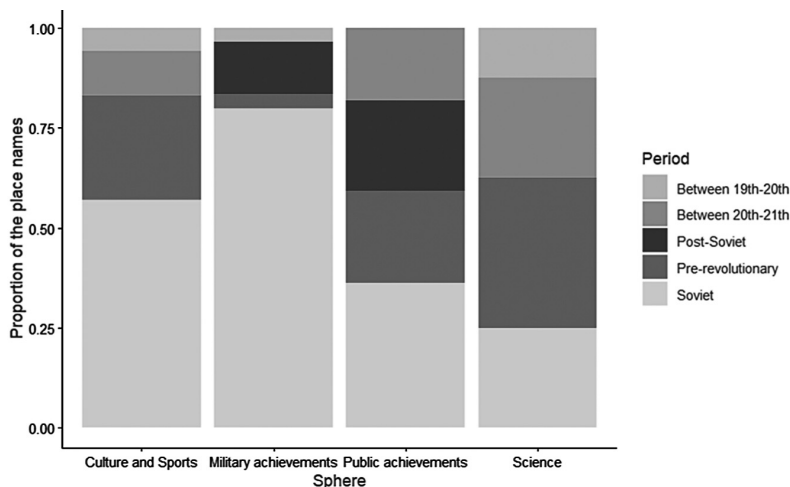

Fig. 16. The proportion of green zones' names of different historical periods by sphere of activity for 2013–2023

Relative green zones

Relative names are the second most frequent in naming policy of green zones. Over a ten-year period, 62 names were assigned, with 24 squares named after nearby toponyms and 38 named after urban objects. The distribution of these names throughout time corresponds to the pattern of urban relative street toponyms. The majority of these names come from structures that function within the landscape and are socially or culturally significant to the city. Moreover, urban place names incorporate infrastructure objects from different spheres of activity. For example, Jazz Square (Dzhazovy square) was named after the Jazz Philharmonic, Geodetic Square (Geodezichesky square) for its closeness to the scientific company “Aerogeodesy,” and Fidelity Garden (Vernosti garden) because of its proximity to the registration office. The pre-revolutionary period is represented by names of former estates or their owners. A few names linked to the Soviet period emerged from monuments located within the squares prior to their naming. For example, Prometheus Garden was named after the eponymous sculpture situated within the square.

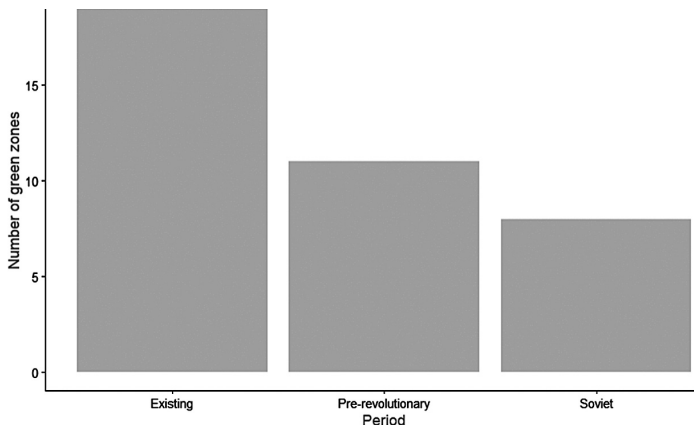

Fig. 17. The distribution of relative urban green zones' toponyms by the historical period for 2013–2023

Bridges

In 2022, there was a significant increase in the number of assignments, with 38 names being given to bridges, most of which are located within municipal entities. This surge is related to the mass naming decision made in 2020 by the Toponymic commission.

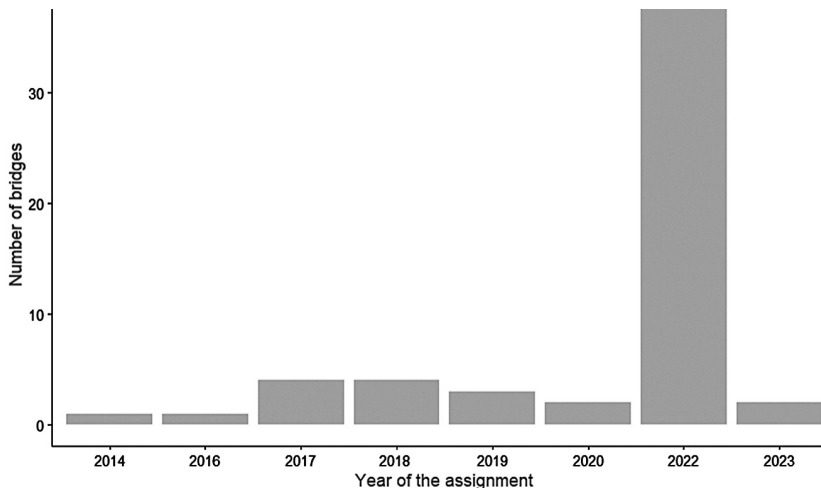

Fig. 18. The distribution of bridge toponyms by the year of assignment for 2013–2023

Relative naming prevails in bridge names, primarily represented by shifted names (30 names), while urban types are less common, and bridges are mostly given pre-revolutionary names in honor of estates on whose territories they were located. Historical principles are traced in bridge toponyms, and names are given according to lost names of settlements and streets.

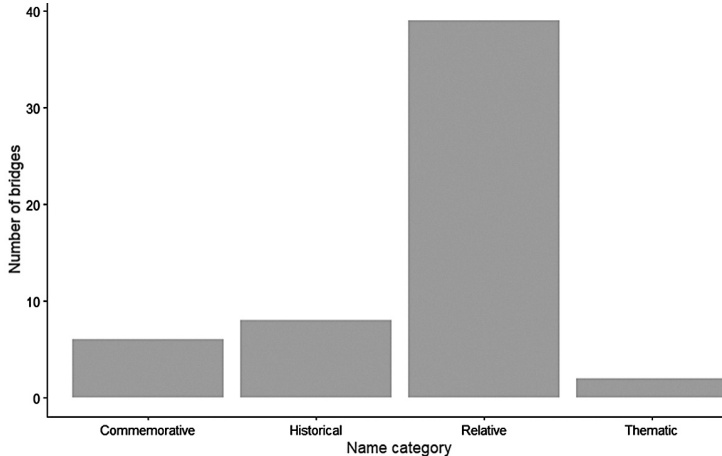

Fig. 19. The distribution of bridge toponyms by the name category for 2013–2023

Commemorative names are assigned less frequently than the previous categories but often carry significant symbolic value. The symbolic value of a place is determined by its location and scale:

“As for bridges, there’s a dual moment here. When small bridges appear, their advantage is that nobody wants to name a small bridge after an outstanding person. But when a large bridge appears, it’s the opposite” (Andrey Ryzhkov).

Commemorating through large infrastructure objects attracts public attention and generates discussions. A unique case over the past 10 years was the assignment of the name of Akhmat Kadyrov to a bridge in the Krasnoselsky district in 2016:

‘Since the return of St. Petersburg in 1991, nobody has ever held rallies over names. There have been many returns, relatively many, 150–200 in total, but there have been no rallies’ (Andrey Ryzhkov).

The assignment was politically motivated and violated the principle of connecting a person with the city. However, despite the widespread

reaction of activists, petitions and protests the name was assigned. The authorities explained that the name assignment was not based on the connection of politics with the city but the nationwide significance of the personality. Interestingly, the Akhmat Kadyrov Bridge is the only bridge commemorating a post-Soviet personality, as other toponyms are associated with pre-revolutionary figures. Unlike parks and streets, the Soviet period is not commemorated through bridge names widely.

Conclusion

With the dynamic development of the urban environment, the toponymy of St. Petersburg underwent several transformations and changes in creative and technical aspects over the period from 2013 to 2023. Firstly, the adoption of the law on naming procedures formalized the naming process, affecting the dynamics of decision-making. Secondly, another structural change was the regulation of green zones, leading to the emergence of numerous unnamed objects, thereby expanding the scope of toponymic activity.

The main trend in recent years has been commemoration, which has widely spread to the toponyms of streets and green spaces. The historical layers of the city are reflected in new names, with the most common theme being the Great Patriotic War and the people's heroism. The toponymic commission is trying to move away from Soviet traditions of commemorating revolutionary figures, instead immortalizing figures from various fields who were repressed and unrecognized during Soviet times despite their achievements.

The pre-revolutionary era is primarily commemorated through scientific and cultural figures and individuals who influenced the creation and development of St. Petersburg. The historical image of St. Petersburg is also recreated through relative toponyms that bring back lost socially significant or architectural objects of the urban environment into the modern landscape. Additionally, events and heroes of post-Soviet history are beginning to be woven into the urban space.

However, amidst social and urban processes, several issues have emerged in contemporary toponymy. Despite the trend towards commemoration, there is no unified body and order for memorial objects, including not only toponyms but also monuments and memorial plaques, that could standardize the process of commemoration:

“It’s unfortunate that we don’t have a single body in the city that deals with commemoration issues as a whole. Because commemoration is not just names, it’s also monuments and memorial plaques. We have a separate council for memorial plaques, monuments are handled separately, and the

toponymic commission deals with names separately as well. But this should all be addressed comprehensively” (Andrey Ryzhkov).

Simultaneously, another issue has emerged — the politicized discourse surrounding commemoration and, particularly, the return of historical names. Toponymic restoration, which began after the collapse of the Soviet Union, is getting more sporadic and requires a special approach to consideration. However, lost historical names reappear in the urban space when naming new objects.

For various urban actors the city serves as an arena for advancing their own interests, which harms the historical and cultural heritage of the city and the harmonious formation of the urban space. Due to the numerous initiatives aimed at the main districts of the city, there is a difficulty in timely naming streets in new neighborhoods. To solve the creative task, the commission relies on Soviet and pre-revolutionary naming principles based on specific themes; however, thematic names have become less frequent in recent years.

Limitations

The paper has several limitations that need to be considered:

1. The study analyzes three types of toponymic objects: roads, green spaces, and bridges. However, toponymic policy also extends to a number of other objects, including schools, stadiums, government institutions, and other urban infrastructure objects that are not considered in this analysis. These objects perform their own functions in the urban space and are an important part of urban toponymy, making this analysis limited.

2. The analysis does not take into account the scaling of objects based on their location, scale, pedestrian accessibility, and other spatial characteristics, which play a significant role in the perception of the value of a toponym and, consequently, the approach to its naming.

Since the conducted interviews were with two members of the Toponymic Commission, who represent the same side of the urban actors, the discourse may be biased and not explain all the reasons and processes behind the certain toponymic patterns.

Источники

Абрамов Р., Терентьев Е. А. Символическое пространство культуры памяти: два топонимических кейса // Интеракция. Интервью. Интерпретация. — 2014. — № 8. — С. 73–85.

Казакевич А. Символика места: забывание и фрагментация «советского» в ландшафте Минска // Неприкосновенный запас. — 2011. — № 6. — С. 10–16.

Полюшкевич О. А. Территориальная идентичность и проблемы топонимики в Иркутске // Социология. — 2019. — № 2. — С. 250–256.

Терентьев Е. А. Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2014. — № 3. — С. 73–86.

Терентьев Е. А. Переименование советских топонимов в Санкт-Петербурге: анализ публичных дискуссий // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2015. — Т. 18, № 2. — С. 72–86.

Anaïs M. Toponymic changes as temporal boundary-making. Street renaming in Leningrad/St. Petersburg // The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics, and Place / Eds. R. Rose-Redwood, D. Alderman, M. Azaryahu. — London: Routledge, 2017. — P. 198–222. — DOI: 10.4324/9781315554464.

Božilović J., Petković J. An ideological perspective on street names: Socialist political symbols in the post-socialist City of Niš // Cities. — 2022. — Vol. 124. — P. 103586. — DOI: 10.1016/j.cities.2022.103586.

Bourdieu P. Symbolic power // Critique of Anthropology. — 1979. — Vol. 4, no. 13–14. — P. 77–85.

Gill G. Changing symbols: The renovation of Moscow place names // The Russian Review. — 2005. — Vol. 64, no. 3. — P. 480–503.

Halbwachs M. On Collective Memory. — Chicago: University of Chicago Press, 1992. — 244 p.

Irwin-Zarecka I. Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory. — New Brunswick: Transaction Publishers, 1994. — 214 p.

Light D. Street names in Bucharest, 1990–1997: Exploring the modern historical geographies of post-socialist change // Journal of Historical Geography. — 2004. — Vol. 30, no. 1. — P. 154–172.

Rusu M. S. Shifting urban namescapes: Street name politics and toponymic change in a Romanian(ised) city // Journal of Historical Geography. — 2019. — Vol. 65. — P. 48–58. — DOI: 10.1016/j.jhg.2019.07.001.

Stewart G. R. A classification of place names // Names. — 1954. — Vol. 2, no. 1. — P. 1–13. — DOI: 10.1179/nam.1954.2.1.1.

Сведения об авторе

Пархоменко Дарья Дмитриевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.
ddparkhomenko@edu.hse.ru

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025;
поступила после рецензирования и доработки: 15.04.2025;
принята к публикации: 15.04.2025.

DARIA D. PARKHOMENKO

HSE University

St. Petersburg, Russian Federation

CONTEMPORARY URBAN SPACE: ANALYSIS OF THE ST. PETERSBURG TOPONYMIC POLICY IN 2013–2023

Abstract. The research examines prevailing trends in the toponymic policy of St. Petersburg over the past decade, analyzing the dynamics of naming urban infrastructure and identifying key patterns. Toponyms shape collective memory and identity, forming part of the “memory infrastructure” (Irwin-Zarecka 1994). The naming and renaming of urban places have long been studied across disciplines, particularly in post-socialist spaces (Burd 2008; Light, Young 2015; Polyushkevich, 2018). While city renaming in St. Petersburg has been explored (Terentev 2015; Abramov, Terentev 2014), recent naming practices remain understudied. This study draws on Bourdieu’s concept of symbolic power (1979) and Halbwachs’ theory of collective memory (1992). The official St. Petersburg Toponymic Portal serves as the primary data source, with names of streets, bridges, and parks introduced or renamed between 2013 and 2023 analyzed. These names are categorized by symbolic significance and subjected to descriptive analysis using R software. Additionally, two expert interviews with members of the St. Petersburg Toponymic Commission offer deeper insights into naming policies.

Keywords: toponymy, collective memory, symbolic politics, urban space, urban sociology

For citation: Parkhomenko D. D. Contemporary Urban Space: Analysis of the St. Petersburg Toponymic Policy in 2013–2023. *St. Petersburg Sociology Today*. 2025. No. 27. P. 41–73. DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.84kh-8779; EDN: HDGPUA

References

Abramov R., Terentyev E. A. The Symbolic Space of Memory Culture: Two Toponymic Cases. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*, 2014, no. 8, pp. 73–85. (In Russ.)

Anaš M. Toponymic changes as temporal boundary-making. Street renaming in Leningrad/St. Petersburg. *The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics, and Place*, eds. R. Rose-Redwood, D. Alderman, M. Azaryahu. London, Routledge, 2017, pp. 198–222. DOI: 10.4324/9781315554464.

Božilović J., Petković J. An ideological perspective on street names: Socialist political symbols in the post-socialist City of NIŠ. *Cities*, 2022, vol. 124, p. 103586. DOI: 10.1016/j.cities.2022.103586.

Bourdieu P. Symbolic power. *Critique of Anthropology*, 1979, vol. 4, no. 13–14, pp. 77–85.

Gill G. Changing symbols: The renovation of Moscow place names. *The Russian Review*, 2005, vol. 64, no. 3, pp. 480–503.

Halbwachs M. *On Collective Memory*. Chicago, University of Chicago Press, 1992, 244 p.
Irwin-Zarecka I. *Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick, Transaction Publishers, 1994, 214 p.

Kazakevich A. The Symbolism of Place: Forgetting and Fragmentation of the “Soviet” in the Landscape of Minsk. *Neprikosnovennyi zapas*, 2011, no. 6, pp. 10–16. (In Russ.)

Light D. Street names in Bucharest, 1990–1997: Exploring the modern historical geographies of post-socialist change. *Journal of Historical Geography*, 2004, vol. 30, no. 1, pp. 154–172.

Polyushkevich O. A. Territorial Identity and Problems of Toponymy in Irkutsk. *Sotsiologiya*, 2019, no. 2, pp. 250–256. (In Russ.)

Rusu M. S. Shifting urban namescapes: Street name politics and toponymic change in a Romanian(ised) city. *Journal of Historical Geography*, 2019, vol. 65, pp. 48–58. DOI: 10.1016/j.jhg.2019.07.001.

Stewart G. R. A classification of place names. *Names*, 1954, vol. 2, no. 1, pp. 1–13. DOI: 10.1179/nam.1954.2.1.1.

Terentyev E. A. Renaming of Soviet Toponyms in Saint Petersburg: Analysis of Public Discussions. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2015, vol. 18, no. 2, pp. 72–86. (In Russ.)

Terentyev E. A. Toponymic Practices as an Object of Sociological Research: Analytical Review. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 2014, no. 3, pp. 73–86. (In Russ.)

Information about the author

Parkhomenko Daria D., HSE University,
St. Petersburg, Russian Federation
ddparkhomenko@edu.hse.ru

Received: 17.03.2025;

revised after review: 15.04.2025;

accepted for publication: 15.04.2025.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И ОРГАНИЗАЦИЙ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.qrfb-h983

EDN: PUYMSI

УДК 316.334.22

Илья Викторович Ляпин

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия*

ПОКАЗАТЕЛИ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, СОСТАВ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВАКАНСИЙ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ

Аннотация. В работе исследуются факторы, влияющие на уровень заработной платы в различных городах России. Основная цель — определить показатели заработной платы и установить взаимосвязь между образованием, навыками и доходами. Понимание этих факторов является ключевым для изучения динамики рынка труда и выявления потенциальных возможностей для его улучшения. Исследования показывают, что высшее образование и специальные навыки оказывают значительное влияние на уровень заработной платы. Данные были собраны с использованием hh.ru, крупнейшей платформы поиска работы в России, с применением методов веб-анализа. Сбор данных охватывал различные города и профессии, после чего проводился анализ для выявления пространственных корреляций. В качестве переменных рассматривались название вакансии, город, требуемый опыт, диапазон заработной платы, обязанности, необходимые навыки, название работодателя и тип занятости. Анализ выявил сильную корреляцию между образованием, навыками и уровнем заработной платы в разных городах. В таких регионах, как Москва и Санкт-Петербург, уровень зарплат оказался выше благодаря более благоприятным экономическим условиям, в то время как в удаленных регионах зарплат ниже из-за меньшего спроса на рабочую силу. Полученные результаты указывают на возможные направления улучшения рынка труда и предоставляют ценную информацию для соискателей и политиков.

Ключевые слова: веб-скрейпинг, распределение вакансий по городам РФ, уровень заработной платы, различия в оплате труда, соискатели, навыки, образование, профессиональное развитие, крупные города

Ссылка для цитирования: Ляпин И. В. Показатели заработной платы, состав и географическое распределение вакансий в российских городах // Петербургская социология сегодня. — 2025. — № 27. — С. 74–87. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.qrfb-h983; EDN: PUYMSI

Введение

Рынок труда постоянно меняется, и для определения подходящего места работы и уровня ожидаемой зарплаты важно понимать свои перспективы занятости. Возникает вопрос: какие факторы влияют на зарплату? В данном исследовании рассматриваются такие показатели, как наличие высшего образования и личные навыки. Считается, что чем выше уровень образования и навыков, тем выше потенциальная зарплата.

Высшее образование играет ключевую роль в определении дохода. Люди с высшим образованием, как правило, имеют доступ к более высокооплачиваемым и квалифицированным должностям. Кроме того, прохождение курсов, повышение квалификации и получение сертификатов также влияет на доход. Не менее важны и личные качества: коммуникативность, лидерство, организованность, аналитическое мышление и другие способности могут существенно повлиять на успех в карьере.

Цель данного исследования — определить показатели заработной платы и выявить взаимосвязь между образованием, навыками и доходами. Актуальность темы заключается в том, что в предыдущих исследованиях не анализировалась связь указанных факторов с уровнем зарплаты с использованием методов веб-скрейпинга.

Это направление представляет интерес для изучения рынка труда и экономического развития страны, поскольку помогает выявить различия в структуре вакансий между городами, вызванные экономическими условиями, инфраструктурой, наличием промышленных предприятий и другими факторами.

Для лучшего понимания различий в вакансиях сначала проанализируем ситуацию в крупных и малых регионах. Из-за географической протяженности России экономические и социальные условия в регионах различаются. Например, Москва и Санкт-Петербург характеризуются высоким уровнем развития и потенциального дохода, что отражается в зарплатах. В отдаленных и экономически слабых регионах наблюдается нехватка инвестиций и низкий спрос на рабочую силу, что приводит к снижению уровня зарплат. В некоторых регионах, например

в Сибири, зарплаты тоже высоки, что связано с тяжелыми условиями труда и дефицитом кадров.

Рост зарплаты зависит от нескольких причин: высокий спрос на определенные профессии, высокая стоимость жизни, конкуренция на рынке труда, уровень образования и наличие специальных навыков.

Исследовательский вопрос состоит в следующем: *«Как образование и личные качества влияют на уровень заработной платы в разных городах России?»* Задачи исследования: изучить методы сбора данных с сайта hh.ru; выбрать лучший способ обработки данных и реализовать его на языке Python; протестировать алгоритм на примере одной профессии и масштабировать на другие; собрать данные по городам и профессиям; проанализировать пространственные корреляции.

Для реализации задач исследования используется крупнейшая онлайн-платформа по поиску работы hh.ru. Сайт предоставляет неструктурированные данные в формате HTML, которые затем структурируются в таблицы или базы данных с помощью методов веб-скрейпинга. Это позволяет выявить тренды и потребности рынка труда. Анализируя данные hh.ru, можно определить влияние образования и личных качеств на уровень зарплаты в различных городах, выявить закономерности и возможные направления развития.

Обзор литературы

В рамках моего исследования основное внимание уделено понятию «навыки». В настоящее время наблюдается рост взаимодополняемости между когнитивными и социальными навыками. С каждым годом работодатели ожидают от сотрудников не только высоких когнитивных способностей, но и развитых социальных компетенций. Если раньше эти аспекты рассматривались обособленно, то сейчас все чаще наблюдается их взаимодействие.

Когнитивные навыки, как правило, включают аналитическое мышление, критическое мышление и способность решать сложные задачи, а социальные — навыки коммуникации, сотрудничества, эмпатии и лидерства. Развитие этих навыков способствует карьерному росту.

Эта тема подробно рассматривается в статье Deming, Kahn (2018), где авторы делят навыки на когнитивные и социальные, определяя, какие из них более ценны для работодателей. Их вывод: на предприятиях с высокими зарплатами требуется высокий уровень как когнитивных, так и социальных навыков. Авторы классифицируют 10 основных навыков, назначают коэффициенты значимости, а затем строят регрессионную

модель с учетом средней зарплаты, квалификационных требований и доли объявлений в компании.

С усилением требований на рынке труда усиливаются требования к квалификации сотрудников (Modestino et al. 2016). В исследовании бразильского кейса (Neves et al. 2017) выявляется связь между размером города и заработной платой, с учетом различий в навыках. Было показано, что когнитивные и социальные навыки положительно влияют на зарплату в крупных городах, а моторные — несущественно. Также интересен вклад названий вакансий в определение уровня зарплаты (Marinescu, Wolthoff 2020). Авторы анализируют влияние слов в названиях вакансий, различая вертикальную и горизонтальную дифференциацию. Они регрессируют зарплаты и количество откликов на коды вакансий, затем используют фиктивные переменные для слов в названиях вакансий, обнаруживая отрицательную связь между зарплатой и числом откликов.

Что касается различий между большими и малыми городами, работа De La Roca, Puga (2017) показывает, что жители крупных городов накапливают более ценный опыт, что ведет к более высоким зарплатам даже после переезда в другой город. Причины — статические преимущества, отбор по первоначальным возможностям и динамические эффекты.

В канадском контексте исследование Beckstead et al. (2010) подтверждает, что уровень образования и квалификации является ключевым фактором, определяющим различия в доходах между городами. Однако бывают случаи, когда смена работы не ведет к росту дохода. Работа Morkutė (2019) показывает, что соискатели часто находят работу в соседних регионах, поскольку ценят знание локального рынка. Переезд не дает значительной прибавки к зарплате после учета других факторов. Также важно учитывать, что навыки устаревают. В работе (Deming, Noray 2020) подчеркивается, что быстрая смена технологий выгодна молодым специалистам, так как позволяет быстрее накапливать доход.

В России также растет спрос на цифровые навыки. В статье Gurieva, Dzhioev (2023) указывается, что развитие цифровых компетенций стимулирует рост экономики, хотя в некоторых регионах, например на Северном Кавказе, спрос на физический труд выше. Однако развитие персонала остается важным фактором. В другом исследовании (Babkin et al. 2023) подчеркивается важность цифровой трансформации предприятий, которая помогает удерживать сотрудников и повышает гибкость условий труда. Методы веб-скрейпинга помогают справляться с избытком информации на сайтах с вакансиями (Slamet et al. 2018). Авторы используют наивную байесовскую классификацию для

категоризации вакансий, достигая точности более 70%. Методологию веб-анализа использовали и другие авторы. Например, Skhvediani et al. (2019) анализировали требования к аналитикам данных в России и США, сравнивая стандарты. В статье подчеркивается необходимость адаптации образовательных программ к требованиям рынка.

Аналогично Vankevich et al. (2021) применяли искусственный интеллект и веб-скрейпинг для выявления несоответствий между компетенциями соискателей и требованиями работодателей. Максимальные расхождения выявлены в профессиях «инженер по продажам» и «разработчик ПО», особенно в категориях «знания», «коммуникация и креативность», «информационные навыки».

Методология

Первый этап анализа данных — это предварительная обработка, подробно описанная в предыдущем разделе. Была проведена очистка, стандартизация и структурирование данных, чтобы подготовить их к анализу.

Следующим этапом стало определение ключевых слов, по которым были классифицированы данные, и присвоение числовых значений различным категориям.

Для оценки качества моделей и анализа связи между переменными были применены модели линейной регрессии (OLS) и метод случайного леса (Random Forest). Это позволило оценить «доход от навыков».

Для сбора данных использовались методы веб-скрейпинга. Под веб-скрейпингом понимается автоматизированный процесс извлечения информации с сайтов. В случае платформы hh.ru это особенно эффективно, поскольку она предоставляет API с удобной документацией. Наше приложение отправляло запросы к серверу hh.ru и получало данные в формате JSON. Был разработан алгоритм, обходящий технические ограничения API, например CAPTCHA при превышении лимита запросов. При возникновении CAPTCHA приложение «засыпало» на 60 секунд, что позволило нам получить необходимый объем информации без нарушений условий использования ресурса.

Метод наименьших квадратов (OLS) позволяет установить зависимость между зарплатой (зависимой переменной) и факторами (независимыми переменными), такими как опыт работы и наличие определенных навыков. Я использовал значения скорректированного R^2 , значимость коэффициентов и критерий AIC для оценки моделей.

Для анализа описания вакансий я применил токенизацию и лемматизацию. Это позволило выделить ключевые навыки и стандартизировать их формы. Навыки были разбиты на категории: социальные, когнитивные, общие компьютерные и специализированные компьютерные навыки (табл. 1).

Таблица 1

Примеры ключевых слов

Категория	Ключевые слова
Социальные навыки	‘общен’, ‘коммуни’, ‘презен’, ‘командн’
Когнитивные навыки	‘анал’, ‘матем’, ‘статис’, ‘иссле’, ‘крити’, ‘логик’, ‘логич’
Общий знания компьютера	‘excel’, ‘word’, ‘powerpoint’, ‘компью’, ‘outlook’, ‘office’, ‘canva’
Специфические знания компьютера	‘python’, ‘c#’, ‘c++’, ‘r’, ‘java’, ‘html’, ‘css’, ‘ml’, ‘sql’, ‘tableau’, ‘qlik’, ‘ruby’, ‘go’, ‘erp’, ‘linux’, ‘machine learning’

После классификации описаний вакансий я провел регрессионный анализ, чтобы оценить вклад каждой категории навыков в уровень зарплаты. Основываясь на предыдущих исследованиях и логике, я определил, какие слова чаще встречаются в высокооплачиваемых вакансиях.

Также была использована модель случайного леса (Random Forest) — ансамблевый метод машинного обучения, способный улавливать нелинейные зависимости. Он устойчив к шуму, справляется с большим числом предикторов и может улучшить точность модели, особенно в случае сложных зависимостей между навыками и зарплатой.

Сравнение моделей OLS и Random Forest позволило получить более полную картину и подтвердить значимость различных навыков и факторов для формирования зарплатных предложений.

Данные

В исследовании использовались данные с сайта hh.ru, крупнейшей платформы по поиску работы в России. Анализ рынка труда был вдохновлен исследованиями Lyashok, Podverbnykh (2023) и Korzh et al. (2022), где освещаются тенденции, вызванные пандемией, санкциями

и дефицитом рабочей силы. Также рассматривался *hh.index*, показывающий соотношение резюме и вакансий по отраслям в 2023 г.

Согласно этим источникам, в 2023 г. число вакансий выросло на 58% по сравнению с 2022 г., особенно в сферах IT, медицины, строительства и торговли. Это дает основание ожидать продолжения роста в следующем году.

Набор данных включает следующие переменные: название вакансии, город, широта и долгота, необходимый опыт работы, диапазон зарплат, описание вакансии, название работодателя, тип занятости (полная / частичная).

Что касается влияния опыта, то различают внешние и внутренние факторы, влияющие на зарплату (Nemeth 2023). Внутренние — это образование, способности, возраст, пол и т. д. В нашем исследовании основной упор сделан на внутренние факторы. Отмечается, что навыки более значимы, чем само наличие диплома, так как они демонстрируют практическое применение знаний. Работа Nurpratiwi et al. (2020) дополнительно подтверждает, что образование и опыт работы положительно влияют на доход, особенно у мужчин. У женщин опыт также имеет позитивный, но менее значимый эффект. Таким образом, можем уверенно сказать, что опыт и навыки играют ключевую роль в определении уровня заработной платы.

На начальном этапе анализа я провел базовое описание данных, чтобы получить общее представление о структуре набора. Это включало определение переменных, распределение значений и выявление особенностей, необходимых для дальнейшего анализа.

На следующем этапе были рассчитаны описательные статистики, такие как среднее значение, медиана, минимум, максимум и количество наблюдений. Эти показатели позволили глубже санвапонять свойства данных и подготовить их для применения регрессионных и машинных моделей.

Как видно, только 16 тысяч вакансий содержали данные о зарплате (табл. 2). Медианное значение составило 70 000 рублей, а среднее — около 80 000 рублей. Это говорит о наличии высокооплачиваемых вакансий, которые тянут среднее значение вверх.

Сферы, представленные в выборке, включают: IT (аналитики, разработчики, *data scientists*, тестировщики, менеджеры), консалтинг и аудит (консультанты, аудиторы, бухгалтеры), юриспруденция (юристы), дизайн (дизайнеры, аниматоры). Этот перечень основан на статьях, опубликованных на *hh.ru*.

Таблица 2

Описательная статистика для основных переменных

Показатель	Зарплата	Когнитивные навыки	Социальные навыки	Общие компьютерные навыки	Специфические компьютерные навыки
Кол-во значений	16 279	26 048	26 048	26 048	26 048
Минимум	40	0	0	0	0
Максимум	1 000 000	1	1	1	1
Медиана	70 000	0	0	0	0
Среднее значение	80 487	0,18	0,08	0,01	0,18

При очистке данных важным этапом стало исключение вакансий без указания зарплаты. Это позволило повысить достоверность результатов, так как зарплата является ключевой переменной моего анализа.

Результаты

В данном разделе представляются и обсуждаются результаты моего исследования. Одним из ключевых результатов является оценка информационной ценности, содержащейся в текстах вакансий. Как показало большинство моделей, опыт работы наряду с навыками формирует статистически значимую модель. В среднем нам удалось объяснить до 20% дисперсии зависимой переменной (зарплаты).

Следует отметить, что регрессия не работает одинаково эффективно для всех городов, так как в некоторых регионах представлено относительно небольшое количество вакансий.

Включение бинарных переменных, отражающих наличие навыков, улучшило качество моделей примерно на 7–10%, что свидетельствует о том, что навыки действительно влияют на уровень заработной платы.

Интересным оказался факт, что результаты регрессий для разных городов не слишком сильно отличаются. Каждый дополнительный год опыта работы увеличивает зарплату во всех городах. Однако

между крупнейшими городами, такими как Москва и Санкт-Петербург, и остальными регионами сохраняется разрыв — в среднем около 5000 рублей. Например, в Казани каждый дополнительный год опыта дает прибавку в 11 000 рублей, а в Санкт-Петербурге — 10 000 рублей. Если не различать вакансии по сферам деятельности, то наличие специфических компьютерных навыков (Python, Java и другие языки программирования) увеличивает зарплату в Санкт-Петербурге на 6856 рублей, а в Москве — на 8834 рубля.

Общие компьютерные навыки, напротив, оказывают отрицательное влияние на уровень зарплат. Это может объясняться тем, что такие базовые навыки, как владение Microsoft Office, стали настолько обыденными, что работодатели часто не указывают их в описании вакансий. И наоборот, если такие навыки все же указаны, это может свидетельствовать о том, что вакансия предполагает низкоквалифицированную работу, не требующую более продвинутых компетенций.

Модель случайного леса (Random Forest) не показала существенного отличия по результатам, однако позволила повысить точность предсказаний на 8% в ряде случаев, особенно при анализе аналитиков в Санкт-Петербурге. Как и в модели OLS, наиболее значимой переменной оказался опыт работы, с важностью переменной в модели 0,74, т. е. опыт объясняет большую часть колебаний зарплат.

Для аналитиков оказалось, что многие навыки теряют статистическую значимость, но знаки коэффициентов сохраняются. Так, общие компьютерные навыки оказывают негативное влияние на зарплату, а наличие хотя бы одного специфического навыка повышает зарплату на 30 000 рублей (в Санкт-Петербурге). В Москве — всего на 6000 рублей, но эта переменная в столице оказалась незначимой статистически, что может объяснять расхождение.

Также исследование подтвердило значимость социальных навыков, таких как коммуникация, командная работа и лидерство. Позиции, требующие развитых когнитивных способностей — критическое мышление, аналитика, решение проблем, — также ассоциируются с более высокими зарплатами. Это говорит о том, что рынок труда высоко ценит сбалансированный профиль кандидата, сочетающий как технические, так и «мягкие» навыки.

Интересным выводом стало то, что навыки, значимые в одном городе, могут быть незначимыми в другом. Например, социальные навыки среди менеджеров оказались значимыми в Москве, где они увеличивают зарплату в среднем на 12 000 рублей, а в Санкт-Петербурге эти же навыки не являются статистически значимыми и прибавляют только

6000 рублей. Возможно, это связано с тем, что модель не смогла уловить эту зависимость из-за ограниченности данных или других скрытых факторов.

Заключение

В рамках исследования было рассмотрено влияние когнитивных и социальных навыков на уровень заработной платы. Анализ показал, что эти навыки различаются: когнитивные помогают человеку эффективно обрабатывать информацию, принимать сложные решения, абстрактно мыслить и использовать другие высшие психические функции. Социальные — это способность к взаимодействию с людьми, построению отношений, сотрудничеству, разрешению конфликтов и проявлению эмоционального интеллекта и эмпатии. Обе группы навыков играют ключевую роль в жизни человека, особенно при поиске работы.

В качестве основного источника данных был использован сайт hh.ru — платформа для поиска вакансий и подбора персонала. С него я собрал информацию по следующим переменным: название вакансии; город; координаты (широта и долгота); требуемый опыт и диапазон зарплаты; описание вакансии; имя работодателя; тип занятости (полная / частичная).

Анализ распределения вакансий показал, что Москва лидирует по количеству предложений. Это может быть связано с тем, что даже при выборе удаленной работы соискатели предпочитают работодателей, находящихся в столице. Средняя зарплата по России составляет около 70 000 рублей. В методологической части были рассмотрены теоретические аспекты связи между навыками, образованием и доходом. Было установлено, что наличие высшего образования и стремление к дополнительному обучению значительно повышают шансы на получение более высокой зарплаты. На основе анализа научной литературы можно уверенно сказать, что среди работников, стремящихся к профессиональному развитию, наблюдаются существенные различия в доходах.

Затем я применил модель обыкновенной линейной регрессии (OLS) совместно с методами обработки естественного языка (NLP), чтобы извлекать и классифицировать навыки из описания вакансий. Комбинация этих подходов показала высокую эффективность в анализе рынка труда и позволяет принимать обоснованные решения при поиске работы.

Далее были реализованы методы токенизации и лемматизации, необходимые для выделения ключевых слов, отражающих нужные навыки. Эти слова критически важны для классификации вакансий и сопоставления требований с навыками кандидатов. В результате были

выделены четыре категории: социальные, когнитивные, общие компьютерные и специализированные компьютерные навыки. В дополнение к OLS была использована регрессия случайного леса (Random Forest). Этот метод позволяет выявлять нелинейные зависимости, устойчив к выбросам и способен более точно предсказывать уровень зарплаты. Сравнение двух моделей показало, что их совместное применение дает более полное и точное представление о структуре заработной платы.

Центральным элементом исследования стало применение веб-скрейпинга, который связал воедино все этапы анализа. Его уникальность заключалась в применении к изучению структуры вакансий, требований к навыкам и адаптации образовательных программ. Веб-скрейпинг упрощает поиск работы, позволяет анализировать спрос и выявлять дефицит навыков. Он также дает возможность проводить сравнительный анализ между регионами (например, Москва и Санкт-Петербург), а также помогает адаптировать обучение под нужды рынка труда. Более того, веб-скрейпинг позволяет выявлять несоответствия между предложением и спросом на навыки, а также дефицит компетенций по конкретным профессиям. Это делает его мощным инструментом в руках исследователей, работодателей и соискателей.

Источники

Корж Н. В., Шкатова К. В., Суников В. Н. Современные тенденции развития российского рынка труда // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2022. — № 2. — С. 40–51.

Babkin A., Shkarupeta E., Igolkin S., Rodionova V., Shchegoleva T., Antonov I. Factors and models of economic security of industrial enterprises in a depressed region in the context of digital transformation // E3S Web of Conferences. — 2023. — Vol. 420. — P. 8–10.

Beckstead D., Brown W. M., Guo Y., Newbold K. B. Cities and Growth: Earnings Levels Across Urban and Rural Areas: The Role of Human Capital (January 25, 2010) // The Canadian Economy in Transition. — URL: <https://ssrn.com/abstract=1600333>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1600333>.

De La Roca J., Puga D. Learning by working in big cities // The Review of Economic Studies. — 2017. — Vol. 84, no. 1. — P. 106–142.

Deming D. J., Noray K. Earnings dynamics, changing job skills, and STEM careers // The Quarterly Journal of Economics. — 2020. — Vol. 135, no. 4. — P. 1965–2005.

Deming D., Kahn L. B. Skill requirements across firms and labor markets: Evidence from job postings for professionals // Journal of Labor Economics. — 2018. — Vol. 36, no. S1. — P. 337–369.

Gurieva L., Dzhioeva A. Digital skills supply and demand on the Russia regional labor markets // E3S Web of Conferences. — 2023. — Vol. 413. — P. 5–17.

Lyashok V., Podverbnykh U. Labor Market Dynamics in Russia in 2022. — Available at SSRN. — 2023. Working Paper. No. 4512825.

Marinescu I., Wolthoff R. Opening the black box of the matching function: The power of words // Journal of Labor Economics. — 2020. — Vol. 38, no. 2. — P. 535–568.

Modestino A. S., Shoag D., Ballance J. Downskilling: changes in employer skill requirements over the business cycle // Labour Economics. — 2016. — Vol. 41. — P. 333–347.

Morkutè G. Location-specific knowledge in spatial job search and its outcomes: An empirical investigation // Papers in Regional Science. — 2019. — Vol. 98, no. 3. — P. 1373–1396.

Németh J. S. What affects wages? // Proceedings of the International Scientific Conference Strategic Management and Decision Support Systems in Strategic Management. — 2023. — P. 140–148.

Neves E. C., Azzoni C. R., Chagas A. Skill wage premium and city size. — University of São Paulo (FEA-USP), 2017. — Working Paper No. 2017_19.

Nurpratiwi I., Ak S., Yunisvita. Factors that influence wages differences in formal sector on male and female workers in Palembang City // Theoretical & Applied Economics, Asociatia Generala a Economistilor din Romania. Editura Economica. — 2020. — Vol. 622. — P. 147–158.

Skhvediani A., Arteeva V., Sviridenko M. Comparative Analysis of the Framework of Skills of a Data Analyst Job in Russia and the USA // Proceedings of the 34th International Business Information Management Association Conference (IBIMA). — 2019. — P. 8895–8902.

Slamet C., Andrian R., Maylawati D. S. A., Suhendar, Darmalaksana W., Ramdhani M. A. Web scraping and Naïve Bayes classification for job search engine // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. — 2018. — Vol. 288. — P. 012038.

Vankevich A., Kalinouskaya I., Zaitseva O., Korabava A. Equilibrium of labor market: New security instruments in the context of digitalization // SHS Web of Conferences. — 2021. — Vol. 93. — P. 3–17.

Сведения об авторе

Ляпин Илья Викторович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
ivlyapin@edu.hse.ru

Статья поступила в редакцию: 09.03.2025;
поступила после рецензирования и доработки: 15.04.2025;
принята к публикации: 15.04.2025.

ИЛЯ В. ЛЯПИН

HSE University

St. Petersburg, Russian Federation

SALARY INDICATORS, JOB POSTING COMPOSITION ACROSS CITIES IN RUSSIA

Abstract. This paper examines the factors affecting the level of wages in various cities of Russia, with an emphasis on higher education and personal qualities. The study addresses a gap in previous research by analyzing these factors based on salary levels using web analysis techniques. The main goal is to determine wage indicators and establish the relationship between education, skills and income. This understanding is crucial for understanding the dynamics of the labor market and identifying potential opportunities for improvement. The next section is a literature review that highlights the growing complementarity of cognitive and social skills. Research shows that higher education and special skills have a significant impact on wages, with higher wages in urban areas due to greater opportunities and experience accumulation. Next, the methodology of the study is considered. The data was collected using hh.ru, Russia's largest job search platform, using web analysis methods. The data collection covered various cities and professions, followed by analysis to identify spatial correlations. Variables included the job title, city, required experience, salary range, responsibilities, required skills, employer name, and type of employment. The analysis revealed a strong correlation between education, skills and salary levels in different cities. In regions such as Moscow and St. Petersburg, wages were higher due to improved economic conditions, while in remote regions wages were lower due to lower demand for labor. This study contributes to an understanding of the Russian labor market by highlighting the significant impact of education and professional skills on wages. The findings point to potential areas for improvement in the labor market and provide valuable information to job seekers and policy makers.

Keywords: web scraping, job distribution by cities of the Russian Federation, salary level, wage difference, job seekers, skills, education, professional development, big cities

For citation: Lyapin I. V. Salary indicators, job posting composition across cities in Russia. *St. Petersburg Sociology Today*. 2025. No. 27. P. 74–87. DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.qrfb-h983; EDN: PUYMSI

References

Babkin A., Shkarupeta E., Igolkin S., Rodionova V., Shchegoleva T., Antonov I. Factors and models of economic security of industrial enterprises in a depressed region in the context of digital transformation. *E3S Web of Conferences*, 2023, vol. 420, pp. 8–10.

Beckstead D., Brown W. M., Guo Y., Newbold K. B. *Cities and Growth: Earnings Levels Across Urban and Rural Areas: The Role of Human Capital* (January 25, 2010). The Canadian

Economy in Transition, Forthcoming, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1600333> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1600333>

De La Roca J., Puga D. Learning by working in big cities. *The Review of Economic Studies*, 2017, vol. 84, no. 1, pp. 106–142.

Deming D. J., Noray K. Earnings dynamics, changing job skills, and STEM careers. *The Quarterly Journal of Economics*, 2020, vol. 135, no. 4, pp. 1965–2005.

Deming D., Kahn L. B. Skill requirements across firms and labor markets: Evidence from job postings for professionals. *Journal of Labor Economics*, 2018, vol. 36, no. S1, pp. 337–369.

Gurieva L., Dzhioev A. Digital skills supply and demand on the Russia regional labor markets. *E3S Web of Conferences*, 2023, vol. 413, pp. 5–17.

Korz N. V., Shkatova K. V., Supikov V. N. Modern trends in the development of the Russian labor market. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*, 2022, vol. 2, pp. 40–51. (In Russ.)

Lyashok V., Podverbykh U. Labor Market Dynamics in Russia in 2022. Available at SSRN. 2023, working paper, pp. 263–270.

Marinescu I., Wolthoff R. Opening the black box of the matching function: The power of words. *Journal of Labor Economics*, 2020, vol. 38, no. 2, pp. 535–568.

Modestino A. S., Shoag D., Ballance J. Downskilling: changes in employer skill requirements over the business cycle. *Labour Economics*, 2016, vol. 41, pp. 333–347.

Morkutė G. Location-specific knowledge in spatial job search and its outcomes: An empirical investigation. *Papers in Regional Science*, 2019, vol. 98, no. 3, pp. 1373–1396.

Németh J. S. What affects wages? *Proceedings of the International Scientific Conference Strategic Management and Decision Support Systems in Strategic Management*, 2023, pp. 140–148.

Neves E. C., Azzoni C. R., Chagas A. Skill wage premium and city size. University of São Paulo (FEA-USP), 2017, working Paper No. 2017_19.

Nurpratiwi I., Ak S., Yunisvita. Factors that influence wages differences in formal sector on male and female workers in Palembang City. *Theoretical & Applied Economics, Asociația Generală a Economistilor din România*. Editura Economica, 2020, vol. 622, pp. 147–158.

Skhvediani A., Arteeva V., Sviridenko M. Comparative Analysis of the Framework of Skills of a Data Analyst Job in Russia and the USA. *Proceedings of the 34th International Business Information Management Association Conference (IBIMA)*, 2019, pp. 8895–8902.

Slamet C., Andrian R., Maylawati D. S. A., Suhendar, Darmalaksana W., Ramdhani M. A. Web scraping and Naïve Bayes classification for job search engine. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2018, vol. 288, pp. 12–38.

Vankevich A., Kalinouskaya I., Zaitseva O., Korabava A. Equilibrium of labor market: New security instruments in the context of digitalization. *SHS Web of Conferences*, 2021, vol. 93, pp. 1–7.

Information about the author

Lyapin Ilya V., HSE University,
St. Petersburg, Russian Federation
ivlyapin@edu.hse.ru

Received: 09.03.2025;

revised after review: 15.04.2025;

accepted for publication: 15.04.2025.

ИНДИВИД, СЕМЬЯ, ОБЩЕСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.wp4c-9q22

EDN: TIXSJM

УДК 316.74:37

Анна Викторовна Столь

Институт стратегических исследований

Академии наук Республики Башкортостан, Уфа, Россия

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАСТАВНИЧЕСТВА ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ*

Аннотация. У воспитанников детских домов кроме учителей и воспитателей, тренеров зачастую нет взрослого, выполняющего роль старшего друга, в отношениях с которым была бы близость, интересное общение, стабильные отношения, с которым можно чувствовать себя в безопасности. Для восполнения этого дефицита реализуются проекты наставничества. В основном эти проекты ведутся некоммерческими организациями, существующими на пожертвования и гранты. Для реализации социальных некоммерческих проектов на основе грантового финансирования при подаче заявки необходимо обосновать эффективность проекта. Помимо описания важности наставника — старшего друга подопечного из детского дома (младшего друга), целесообразно определить и апробировать подходы к оценке влияния наставничества на развитие детей с получением количественно измеримых показателей. В данной работе проводится обзор социологических исследований о наставничестве для воспитанников детских домов, обсуждается опыт использования психометрических методов оценки динамики изменений детей. Делается вывод, что сочетание социологических и психологических методов может быть основой для оценки эффективности наставничества и служить инструментом повышения эффективности сопровождения пар в проектах наставничества.

Ключевые слова: дети без попечения родителей, детский дом, наставник, наставничество, НКО, благотворительный фонд, ограниченные возможности здоровья (ОВЗ), инвалидность, социологический опрос, жизненная среда

---

* Работа выполнена в рамках государственного задания Института стратегических исследований ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан» на 2025 г.

Ссылка для цитирования: Столь А. В. Подходы к оценке эффективности наставничества воспитанников детских домов // Петербургская социология сегодня. — 2025. — № 27. — С. 88–100. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.wp4c-9q22; EDN: TIXSJM

Введение

С началом 2000-х гг. детские дома в России претерпели реформирование: вместо домов казарменного типа организованы центры содействия семейному воспитанию или семейному устройству (ЦССВ или ЦССУ). Эти изменения регламентированы приказом Министерства образования и науки РФ в 2013 г., в котором отмечается: «Деятельность организации для детей-сирот, осуществляющей функции по оказанию содействия в возвращении детей в родную семью и устройстве детей на воспитание в семьи граждан, может быть организована с учетом примерного положения о центре содействия семейному устройству детей, оставшихся без попечения родителей, подготовки и сопровождения замещающих семей»¹.

В центрах содействия семейному воспитанию (ЦССВ) быт и проживание организованы по типу квартиры, где в нескольких комнатах одной квартиры живут дети в сопровождении дежурных воспитателей. Однако это по-прежнему учреждение, по-прежнему детский дом, где взрослые выполняют определенные функции (опекуна — директор учреждения, тренера, воспитателя, повара и т. д.). Эти взрослые несут ответственность за безопасность и воспитание детей. Отношения при этом могут быть дружескими и теплыми, а могут быть формальными. В любом случае у воспитанников этих центров нет взрослого, выполняющего роль старшего друга, в отношениях с которым есть близость, интересное общение, где нет взаимных обязательств или задачи обеспечить послушание.

Давно доказано, что дети в детских домах имеют особенности психологии, вызванные травмой депривации, и это имеет серьезные последствия для их способности выстраивать здоровые и доверительные отношения с другими людьми без манипуляций и агрессии. Понимание

---

¹ Письмо Минобрнауки России от 18.06.2013 г. № ИР-590/07 «О совершенствовании деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (вместе с «Рекомендациями по совершенствованию деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в целях создания в них условий воспитания, приближенных к семейным, а также привлечению этих организаций к профилактике социального сиротства, семейному устройству и постинтернатной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей») // СПС КонсультантПлюс.

этих дефицитов детей, оставшихся без попечения родителей и живущих в детских домах, стало основой множества проектов по наставничеству для таких детей. Первой в России была программа индивидуального наставничества Kidsave (2000 г.), затем появились проекты «Наставничество» Благотворительного фонда «Солнечный город» с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества², «Старшие Братья, Старшие Сестры» от одноименной НКО³ и «Наставники» от БФ «Арифметика добра»⁴.

Постановка проблемы

Дружбу старшего и младшего друга в таких проектах сопровождают психологи, помогающие и наставникам, и детям пройти через сложности в отношениях, лучше понять друг друга. Регулярно проводятся индивидуальные супервизии (наставник наедине с психологом или психологами проекта) и групповые супервизии, интервизии среди наставников.

Реализация проектов по наставничеству осуществляется некоммерческими организациями и зачастую финансируется за счет грантов. При подаче заявки на грант важно отразить историю проекта, планируемые результаты и различные виды эффектов. Например, в описании заявки на грант главы Республики Башкортостан для поддержки проекта «Наставничество» были представлены краткое описание, цель, задачи проекта и его социальная значимость. В кратком описании указывалось, сколько пар создано, сколько из них ребят, живущих в ЦССВ, и сколько выпускников, описана работа с наставниками и детьми из детских домов: групповые супервизии и обучающие семинары, а также индивидуальное психологическое сопровождение действующих наставников. Подчеркнута поддержка выпускников из детских домов и работа с детьми с ОВЗ: «Особые акценты в подготовке и сопровождении наставников будут сделаны на способы сохранения контакта с младшим после его выпуска из ЦССВ в самостоятельную жизнь,

---

² Благотворительный фонд «Солнечный город». Наставничество: [сайт]. — URL: <https://nastavnichestvo.org/> (дата обращения: 05.03.2025).

³ Старшие Братья, Старшие Сестры. Наставники детям: [сайт]. — URL: <https://www.nastavniki.org/> (дата обращения: 05.03.2025).

⁴ Арифметика добра. Находим наставников: [сайт]. — URL: <https://a-dobra.ru/programs/nastavniki/> (дата обращения: 05.03.2025).

чтобы стать ему опорой в преодолении трудностей, не дать погрузиться в асоциальную среду или накопить нерешаемые проблемы. Еще одна важная задача — поддержка ребят с ОВЗ, в том числе с социально значимыми заболеваниями. Наставники таких ребят получают дополнительную методическую поддержку для того, чтобы их подопечные смогли преодолеть все барьеры, сохраняли приверженность лечению, если это необходимо, и т. д.»⁵.

В разделе «Социальная значимость», к примеру, отмечены направления характеристики эффективности проекта: «Наставничество как технология содействия социальной адаптации подростков к самостоятельной жизни находит поддержку и среди сотрудников ЦССВ, они видят пользу для воспитанников и поощряют общение подростков с наставниками»⁶.

Цель исследования

Наша гипотеза состоит в том, что описание социального эффекта с приведением количественно измеримых показателей может значимо усилить заявки на грант, служить более сильным аргументом в оценке его влияния на жизнь воспитанников детских домов. Возникает вопрос: как же можно обобщить и определить в измеримых показателях влияние наставников на детей не в общем в роли наставников в жизни детей, а применительно к деятельности конкретной НКО, реализующей подобные проекты? Поиск ответа на этот вопрос служит целью данного исследования и дальнейшего обсуждения.

Результаты и обсуждение

Наиболее подходящими методами здесь могут быть социологические исследования. Первый вариант — лонгитюдные исследования, отражающие построение жизненной стратегии воспитанников детских домов. Второй вариант — исследование на основе биографических интервью двух групп детей — дружащих с наставником и не имеющих опыта

---

⁵ Наставничество для подростков, оставшихся без родителей в Республике Башкортостан: [сайт]. — URL: <https://xn--102-5cdameb6esa5a0a1je.xn--plai/public/application/item?id=983ac190-99a5-4ad9-ac44-bab183aa04c4> (дата обращения: 21.03.2025).

⁶ Там же.

дружбы с наставником. Третий вариант, более простой в организации и анализе, а значит, более доступный для НКО, — систематические социологические опросы всех участников проекта наставничества. Четвертый вариант — это оценка имеющимися на сегодня методами благополучия детей (например, с помощью методики субъективного индекса детского благополучия), вовлеченных в проекты наставничества в качестве младших друзей в динамике. Пятый вариант — это применение психологических методов для оценки разных составляющих благополучия ребенка (уверенности, безопасности, самореализации и др.). В числе психологических методов может быть формирующий эксперимент, который был рекомендован автору при рецензировании одним из журналов статьи по влиянию наставников на жизненную среду воспитанников детских домов, которая в итоге была опубликована в статье (Столь, Столь 2024: 127–147).

Примером биографических интервью служит социологическое эссе об образовании, классовом неравенстве и социальном исключении в России «Путевка в жизнь» Ж. В. Черновой и Л. Л. Шпаковской (Чернова, Шпаковская 2023: 184–200). В этом эссе авторы приводят три примера индивидуальных траекторий перехода выпускников детских домов на основе анализа биографических кейсов. В первом случае показана траектория движения вперед — выпускник успешно адаптируется и социализируется, берет ответственность за свою жизнь на себя, при этом большую роль в таком проактивном отношении к жизни сыграли тренинги, организованные одной из НКО, а также тренер и спортивная команда, членом которой был ребенок. Вторая траектория — адаптация выпускника детского дома — при помощи случайно появившегося наставника (соседа по квартире, взявшего над ним неформальное шефство). При адаптации выпускник чувствует себя в позиции управляемого, у него нет активности при принятии решений о себе и своей жизни, он лишь пользуется возможностями, которые появляются без понимания себя и своих желаний. В любой момент такой человек может перейти на траекторию скатывания, если изменится его окружение и будет неблагоприятная среда. В данном случае не было участия наставников или НКО в жизни ребенка в период его нахождения в детском доме, при этом у ребенка не было академической успешности. Близкие отношения ему было сложно выстраивать, у него лишь один друг. Третья траектория — скатывание, когда «опыт детского дома ведет к разочарованию в себе и мире, асоциальному поведению,

криминалу, зависимостям, лишению свободы и социально неодобряемым заболеваниям...». На этой траектории также не было наставника, но было участие НКО, оказавшей помощь в поиске варианта жилья до момента зачисления в колледж.

Нам неизвестно, проводилось ли исследование на основе биографических интервью двух групп детей — дружащих с наставником и не имеющих опыта дружбы с наставником, но, на наш взгляд, оно было бы неэтично и негуманно по отношению к детям, попадающим в контрольную группу без наставников. Кроме того, задачей является оценка влияния конкретного проекта на конкретных детей, и изучение контрольных групп не отвечает этой задаче.

Примерами социологических опросов служат исследования фонда «Солнечный город». Реализация проектов по наставничеству этим фондом позволила накопить большой опыт, и уже есть данные, позволяющие дать оценку влияния наставников на жизнь детей. Например, социологические исследования 2023 г. показали: выпускники с наставником чаще продолжают учиться, чем выпускники без наставника (54 и 21%), лучше знают о своих правах на жилье (с наставниками таких 97%, без них — 64%), выпускники без наставников раньше вступают в брак (11 против 6%) и заводят детей (23 против 11%)⁷.

Также есть исследование о социальной функции наставников для выпускников детских домов на примере Новосибирска. Е. А. Попов анализирует социальные функции наставников: социализирующая, социально-коммуникативная и социокультурная, — делая вывод, что наставничество является не только педагогическим феноменом, но и социальной практикой взаимодействия представителей разных социальных групп / общностей (Попов 2023: 564). Автор отмечает, что некоторые исследователи считают субъективное благополучие выпускника критерием оценки результатов постинтернатного сопровождения, а постинтернатная адаптация предполагает обеспечение интеграции индивида в социум. Соответственно, важная роль отводится наставникам, которые в работе с выпускниками интернатов должны «актуализировать их личностные ресурсы и преодолевать личностные дефициты» (Попов 2023: 566).

⁷ Тахутдинова Л. Как наставник помогает подростку из детского дома адаптироваться ко взрослой жизни? Итоги большого исследования проекта. 11 октября 2023: [сайт]. — URL: <https://sgdeti.ru/news/kak-nastavnik-pomogaet-podrostku-iz-detskogo-doma-adaptirovatsya-ko-vzrosloy-zhizni-delimsya-itogami/>. (дата обращения: 20.03.2025).

На примере проекта «Наставничество» благотворительного фонда «Наши дети» в Республике Башкортостан⁸ было проведено исследование влияния наставников на жизненную среду детей, воспитывающихся в детских домах. В этой работе исследовано, как именно происходит общение с наставниками и как его оценивают непосредственные участники проекта. Был проведен анализ различий в общении наставников с детьми без особенностей здоровья и с детьми с особыми потребностями. Выявлено, что общение с наставниками сильно влияет на всех детей, при этом, по оценкам наставников, это влияние, как и его значимость для выпускников, больше на детей с особенностями здоровья. Особенности здоровья детей влияют на выбор событий с наставниками, дружба с ними становится основной возможностью разнообразить жизненную среду (Столь, Столь 2024: 127–147). В этой статье проведен анализ изменения жизненной среды детей в процессе их участия в проекте «Наставничество»; анализ преобладающих событий во время встреч с наставниками; анализ ожиданий детей от общения с наставниками и оценки подростками встреч с наставниками; выявление особенностей влияния проекта «Наставничество» на жизненную среду детей с ОВЗ и с инвалидностью. В работе показано, что общение с наставником — это способ освоения и расширения жизненного пространства и «зоны актуального развития» ребенком без попечения родителей вместе с принимающим и поддерживающим близким взрослым, дающим в безопасности и безусловном принятии проявлять интерес, делать выбор, проживать чувства включенности в жизнь, успеха и принадлежности.

В России реализуется проект оценки детского благополучия. В систему индексов детского благополучия⁹ включены статистический индекс детского благополучия на основе официальных данных Росстата — 27 показателей; субъективный индекс детского благополучия — на основе данных, полученных в ходе опросов детей, — 18 показателей; а также общий индекс детского благополучия, который обобщает статистический индекс детского благополучия и субъективный индекс детского благополучия, т. е. все 45 показателей. В методике субъективного

---

⁸ Благотворительный Фонд помощи детям и семьям «Наши дети». Программа «Наставничество»: [сайт]. — URL: <https://nashideti.org/project/programs-program3/> (дата обращения: 20.03.2025).

⁹ Индекс детского благополучия. — URL: <https://cwb-index.fondtimchenko.ru/> (дата обращения: 12.03.2025).

индекса детского благополучия 6 доменов: «Здоровье», «Материальное благополучие», «Безопасность», «Образование» («Развитие»), «Социальные отношения» («Развитие»), «Самореализация» («Развитие») (Как измерить благополучие детей в российских регионах... 2023: 3–10). Вопросы анкеты могут быть дополнены в ходе опросов. Так, при оценке индекса детского благополучия в Республике Башкортостан в 2022 г. в опросе, проведенном Центром полевых исследований РАНХиГС (Центр полевых исследований, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ 2023) были существенно дополнены домен «Социальные отношения», в том числе вопросами с оценками наличия ситуаций насилия в жизни ребенка, чувства одиночества и отношениях доверия, а также домен «Образование». Эти анкеты можно использовать для оценки благополучия конкретной группы — участников проекта наставничества, и проводить анализ в динамике (например, раз в год), оценивая, как меняется субъективное восприятие своего благополучия у детей.

Применимость психологических экспериментов в исследовании, когда дети делятся на две группы — дружащие с наставниками и дети контрольной группы, не являющиеся участниками проекта, — на наш взгляд, вызывает сомнения в этичности подхода. Задачей проекта является охват поддержкой наставников максимального числа детей. Лишать ребенка наставника, чтобы понять, как в контрольной группе развивается ребенок, ради доказательства положительного влияния наставников неэтично и негуманно. Если взвешивать эффекты для конкретных детей и для проектов, то вред от включения детей в эксперимент ради исследования существенно превышает пользу для развития социальной практики наставничества. Формирующий эксперимент — это психолого-педагогический эксперимент, специфический исключительно для психологии вид эксперимента, в котором активное воздействие экспериментальной ситуации на испытуемого должно способствовать его психическому развитию и личностному росту¹⁰. Реализация его в отношениях пар «наставник — подопечный», малореализуема. На наш взгляд, эффект от наставничества с применением психологических тестов можно оценить, наблюдая изменения у каждого ребенка и аккумулируя эти данные для анализа

¹⁰ Психологический эксперимент. Википедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Психологический_эксперимент#:~:text=Психолого-педагогический%20эксперимент%2C%20или%20формирующий,психическому%20развитию%20и%20личностному%20росту (дата обращения: 25.04.2025).

в динамике. То есть задача сравнить не две группы детей, а ребенка с самим собой с учетом его отношений с наставником. И уже в конкретных отношениях для лучшего понимания ребенка наставник может использовать разные гипотезы, проверять их и искать лучшие способы коммуникации с ребенком, проявляя таким образом свои педагогические навыки. Эти поиски и исследования наставников сложно фиксировать и наблюдать во всех парах, их применение можно изучать с помощью опросов наставников.

Одним из способов оценки эффективности наставничества может стать оценка динамики изменений в психологических характеристиках как младшего друга, так и старшего друга, наставника. Психологи проектов уже имеют экспертное мнение, основанное на сопровождении пар «наставник — подопечный», о том, насколько увереннее чувствуют себя дети через полгода-год после начала дружбы со старшим другом, как у детей развиваются когнитивные способности. Также психологи наблюдают, что дети и наставники сталкиваются с разными сложностями, одной из которых является отсутствие у наставников опыта общения с детьми с ОВЗ — участниками проекта. Выявление запроса наставников на обучение навыкам понимания и учета особенностей таких детей может быть полезным, и оценка его масштаба возможна при получении обратной связи от наставников. Например, по итогам выявления такого запроса возможно на этапе входа в проект для наставников таких детей будут необходимы дополнительные занятия для понимания особенностей здоровья таких детей.

Есть множество исследований в области психологии, показывающих эффект на то или иное воздействие (психологическое, педагогическое и др.) с применением психодиагностических методов. Примером того, как психологическое тестирование используется для оценки эффективности того или иного воздействия на детей, служит исследование Ю. А. Володиной на тему социальной реинтеграции детей-сирот в процессе деинституционализации. В этой работе доказана эффективность предпрофильной подготовки воспитанников детских домов, оценка проводилась с помощью таких тестов, как Шкала личностной тревожности А. М. Прихожан (форма Б), Шкала «Я-концепции» для детей Е. Пирс, Д. Харрис (адаптация А. М. Прихожан), Тест 20 ответов (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Н. В. Морозовой, М. В. Овчинниковой), Шкала социально-психологической адаптированности К. Роджерса и Р. Даймонда (адаптация Т. В. Снегиревой, А. М. Прихожан) и др. (Володина 2009: 79–85). Еще одним примером

служит анализ данных, полученных экспериментальным путем, для оценки эффективности психологической поддержки детей, находящихся в условиях депривации в интернатных учреждениях (Скорик 2013: 47–54). В этой работе с помощью психологических тестов обосновывается необходимость такой поддержки детей, воспитывающихся в детских домах.

Таким образом, для повышения эффективности сопровождения пар «наставник — подопечный», а также для оценки эффективности самого проекта для его участников может быть полезна разработка методики оценки эффективности, сочетающей социологический и психологический инструментарий. Социологические опросы целесообразно проводить регулярно (раз в год), для того чтобы обеспечить проведение анализа в динамике. Также может быть полезной систематизация данных, собираемых психологами проекта, возможно проведение тестирования наставников и детей на контрольных точках — до входа участников в проект и через каждые полгода-год. Анализ накопленных данных в обобщенном и анонимном виде в динамике позволит дать количественно измеримые оценки влияния наставничества на детей и взрослых — непосредственных участников конкретного проекта НКО, что может стать серьезным аргументом в обосновании социального эффекта подобных проектов при подаче заявок на грант.

Заключение

Проведение социологических опросов — это не только метод оценки эффективности наставничества, но также инструмент повышения эффективности сопровождения пар в проекте. Для повышения эффективности сопровождения пар «наставник — подопечный» и для оценки эффективности самого проекта для его участников может быть полезным применение одновременно и психологических, и социологических методов исследования. Анализ накопленных в ходе реализации конкретного проекта наставничества данных в динамике позволит дать количественно измеримые оценки влияния проекта НКО на детей и взрослых. Такие оценки могут стать серьезным аргументом в обосновании социального эффекта подобных проектов при подаче заявок на грант, более серьезным по сравнению с описанием социальной значимости по оценкам экспертов-участников проекта или сотрудников интернатного учреждения.

Источники

Володина Ю. А. Социальная реинтеграция детей-сирот в процессе деинституционализации // Человек и образование. — 2009. — № 1. — С. 79–85.

Как измерить благополучие детей в российских регионах: Методические материалы / И. Е. Калабихина, О. В. Кучмаева, З. Г. Казбекова [и др.]. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: ООО «МАКС Пресс», 2023. — 98 с.

Попов Е. А. Социальные функции наставников для выпускников детских домов (на примере Новосибирска) // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2023. — № 3. — С. 564–578. — DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-564-578.

Скорик Е. А. Влияние среды интернатного учреждения на психоэмоциональное развитие детей // Российский психологический журнал. — 2013. — Т. 10, № 4. — С. 47–54.

Столь А. В., Столь А. Б. Влияние наставников на жизненную среду воспитанников детских домов: социологическое исследование проекта «Наставничество» // Society and Security Insights. — 2024. — Т. 7, № 3. — С. 127–147.

Центр полевых исследований, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ. Российский индекс детского благополучия — 2022: результаты исследования в Республике Башкортостан. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cwb-index.fondtimchenko.ru/respublika-bashkortostan/> (дата обращения: 12.03.2025).

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Путевка в жизнь: Социологические эссе об образовании, классовом неравенстве и социальном исключении в России. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. — 224 с.

Сведения об авторе

Столь Анна Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научный центр изучения социального развития региона, Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, Уфа, Россия
stolav@isi-rb.ru, mrqu.bgu.stol@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 21.03.2025;
поступила после рецензирования и доработки: 26.03.2025;
принята к публикации: 15.04.2025.

ANNA V. STOL

*Institute for Strategic Studies of the Academy of Sciences
of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation*

APPROACHES TO ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF MENTORING FOR CHILDREN FROM ORPHANAGES*

Abstract. In addition to teachers, caregivers, and coaches, children in orphanages often do not have an adult who acts as an older friend, in relationships with whom there is closeness, interesting communication, a person with whom there is a stable relationship in which they can feel safe and accepted. Mentoring projects are being implemented to fill this gap. These projects are mainly implemented by non-profit organizations that exist on donations. One of the ways to finance their activities is grants. When implementing social non-profit projects based on grant financing, when submitting an application, it is necessary to justify the effectiveness of the project. In addition to describing the importance of a mentor — an older friend for a ward from an orphanage — a younger friend, it is advisable to find and test approaches to assessing the impact of mentoring on children's development, with the receipt of quantitatively measurable indicators. This paper provides an overview of sociological studies on mentoring for children in orphanages, and discusses the experience of using psychometric methods for assessing the dynamics of changes in children. It is concluded that sociological and psychological methods can be the basis for assessing the effectiveness of mentoring and serve as a tool for increasing the effectiveness of supporting couples in the project.

Keywords: children without parental care, orphanage, mentor, mentoring, NPO, charitable foundation, disabilities, disability, sociological survey, living environment

For citation: Stol A. V. Approaches to Assessing the Effectiveness of Mentoring for Children from Orphanages. St. Petersburg Sociology Today. 2025. No. 27. P. 88–100. DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.wp4c-9q22; EDN: TIXSJM

References

Volodina Yu. A. Social reintegration of orphans in the process of deinstitutionalization. *Man and education*, 2009, no. 1, pp. 79–85. (In Russ.)

How to measure the well-being of children in Russian regions: Methodological materials. I. E. Kalabikhina, O. V. Kuchmaeva, Z. G. Kazbekova [et al.]. 2nd ed., corrected and supplemented. Moscow, OOO “MAX Press”, 2023, 98 p. EDN: SYUHPY. (In Russ.)

---

* The work was carried out within the framework of the state assignment of the Institute of Strategic Studies of the State Scientific Institution “Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan” for 2025.

Popov E. A. Social functions of mentors for graduates of orphanages (on the example of Novosibirsk), *Bulletin of RUDN. Series: Sociology*, 2023, no. 3, pp. 564–578. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-564-578. (In Russ.)

Skorik E. A. The influence of the boarding school environment on the psychoemotional development of children. *Russian Psychological Journal*, 2013, vol. 10, no. 4, pp. 47–54. (In Russ.)

Stol A. V., Stol A. B. The influence of mentors on the living environment of pupils of orphanages: a sociological study of the Mentoring project. *Society and Security Insights*, 2024, vol. 7, no. 3, pp. 127–147. (In Russ.)

Center for Field Research, Institute of Social Analysis and Forecasting, RANEPa under the President of the Russian Federation. *Russian Child Well-Being Index – 2022: Results of the study in the Republic of Bashkortostan*. [Electronic resource]. URL: <https://cwb-index.fondtimchenko.ru/respublika-bashkortostan/> (access date: 12.03.2025).

Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. *A Start in Life: Sociological Essays on Education, Class Inequality, and Social Exclusion in Russia*. Saint-Petersburg, Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2023, 224 p. (In Russ.)

Information about the author

Stol Anna V., Candidate of Economic Sciences,
Study of Social Development Region Research Center,
Institute for Strategic Studies of the Academy of Sciences
of the Republic of Bashkortostan,
Ufa, Russian Federation
stolav@isi-rb.ru, mrgu.bgu.stol@gmail.com

Received: 21.03.2025;

revised after review: 26.03.2025;

accepted for publication: 15.04.2025.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.tzwt-2e60

EDN: WNMWDS

УДК 316.334.22

*ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА ЕРЕМИЧЕВА*¹,
*ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА МЕНЬШИКОВА*²,
*КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГАЛКИН*¹

¹ *Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

² *Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

ОБЗОР СЕКЦИИ «ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СИНГУЛЯЦИЯ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ УТОПИЯ, И КАК В НЕЙ САМОРЕАЛИЗОВАТЬСЯ МОЛОДЕЖИ» САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА ТРУДА — 2025

Ссылка для цитирования: Еремичева Г. В., Меньшикова Г. А., Галкин К. А. Обзор секции «Технологическая сингуляция: реальность или утопия, и как в ней самореализоваться молодежи» Санкт-Петербургского международного форума труда — 2025 // Петербургская социология сегодня. — 2025. — № 27. — С. 101–107. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.tzwt-2e60; EDN: WNMWDS

В рамках мероприятий, посвященных современным исследованиям в сфере труда на Санкт-Петербургском международном форуме труда в Санкт-Петербургском государственном университете, прошла секция под названием «Технологическая сингуляция: реальность или утопия, и как в ней самореализоваться молодежи?». Модераторами секции были Галина Васильевна Еремичева, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН, руководитель Центра исследований

социально-трудовой сферы им. Б. Г. Тукумцева СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН, и Галина Александровна Меньшикова, кандидат экономических наук, доцент кафедры социального управления и планирования Санкт-Петербургского государственного университета. Главной задачей секции стало обсуждение влияния новых технологических решений и развития искусственного интеллекта на трансформацию сферы занятости. Особое внимание было уделено изменениям в подходах к поиску и развитию профессиональных талантов, а также эволюции отдельных профессий в условиях цифровизации. Партнерами научного мероприятия были Высшая школа безопасности труда Санкт-Петербургского государственного университета, Центр исследования проблем социально-трудовой сферы им. Б. Г. Тукумцева Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН, секция исследователей социальной сферы труда.

Во вступительном слове Г. В. Еремичева обратила внимание аудитории на то, что сверхбыстрое развитие сферы новых технологий и ИИ, с одной стороны, вызывает фантастические прогнозы, а с другой — столь же невероятные опасения и страхи того, что ИИ станет неуправляемым и настолько самодостаточным, что он будет эволюционировать без вмешательства человека. Технологическая сингулярность — это момент времени, когда мощность компьютерных программ превысит вычислительную мощность человеческого мозга. Для нашей дискуссии эта теория интересна тем, что в случае ее реализации насколько радикально изменится трудовая деятельность и повседневная жизнь, как можно связать этот прогноз с активной интеграцией молодежи в цифровую экономику, какими рисками это будет сопровождаться и как адаптироваться к новой реальности в условиях неопределенности. Какие подходы, методы и практики используются молодежью — самой амбициозной и креативной частью населения, какие кадровые гарантии и социальную защиту может им предложить государство на рынке труда.

Г. А. Меньшикова подчеркнула актуальность социальных преобразований, охватывающих современные рынки труда, и то, что данные изменения требуют пересмотра устоявшихся стратегий управления человеческими ресурсами, модернизации систем образования и подготовки кадров, а также совершенствования практик управления талантами.

В первом докладе секции было представлено исследование «Молодежь в сфере труда и занятости: динамика уровня безработицы, вызовы цифровой экономики и стратегии адаптации (на примере

общероссийской статистики и Республики Карелия)» кандидата социологических наук, старшего преподавателя кафедры политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета Елены Николаевны Лузгиной. Докладчик указала на то, что внедрение цифровых технологий приводит к трансформации динамики трудоустройства среди молодых специалистов. При этом сохраняются определенные традиционные для региона сферы, в которых молодое поколение стремится продолжать трудовую деятельность, например в интенсивно развивающихся в последнее время сферах туризма и сервиса. Были выделены ключевые направления, сохраняющие привлекательность для молодежи, которые не связаны с общей тенденцией цифровизации и развития отдельных профессий.

Тематика карьерного роста молодежи получила дальнейшее развитие в докладе «Роль образовательных учреждений в карьерной навигации молодежи в современном мире: опыт работы Лаборатории карьерной навигации Казанского инновационного университета» кандидата философских наук, доцента ЧОУ ВО НФ Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, руководителя Лаборатории карьерной навигации Светланы Флюоровны Туктамышевой. Доклад был посвящен вопросам карьерной навигации и деятельности университетских центров, способствующих профессиональной ориентации. Докладчик акцентировала внимание на необходимости соответствия системы карьерной навигации в связи с актуальными запросам рынка труда и достаточно детально представила нюансы разработанного ею термина «карьерная навигация». Подчеркивалось значение внедрения соответствующих механизмов карьерной навигации как в университетах, так и на уровне среднеспециальных образовательных учреждений. Важной мыслью, прозвучавшей в докладе, стало утверждение о необходимости непрерывности процесса профессионального самоопределения. Карьерная навигация должна сопровождать обучающегося на всех этапах образования — от поступления в колледж до окончания университета. Такой подход способствует более осознанному выбору профессии и формированию устойчивых профессиональных интересов, что, в свою очередь, положительно влияет на качество подготовки специалистов.

Доклад под названием «Виртуальный рок: кейс инновационного предпринимательства в музыкальной индустрии» кандидата социологических наук, доцента Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического

университета им. Петра Великого Сании Исааковны Бояркиной и бизнес-аналитика ООО «Единая техническая диспетчерская» Эльвиры Сергеевны Кузнецовой был посвящен интересной и нетривиальной теме — трансформации музыкальной индустрии в условиях цифровизации. Докладчики обстоятельно осветили изменения, происходящие в производстве, распространении и восприятии музыкальных произведений. Были затронуты актуальные и не всегда позитивные ситуации, касающиеся взаимодействий аудитории с артистами в условиях цифрового формата. Особое внимание было уделено феномену «телесности» музыканта, физического присутствия исполнителя и тому, как меняется восприятие этого аспекта у слушателей. Авторы пришли к выводу, что именно восприятие «неосязаемости» исполнителя может ограничивать популярность виртуализированной музыки и затруднять формирование лояльной аудитории. На секции развернулась активная дискуссия по вопросам негативных и позитивных сторон этого современного формата музыкального искусства.

Следующий доклад, «Таланты: новая и старая коннотация термина», Галины Александровны Меньшиковой, кандидата экономических наук, доцента кафедры социального управления и планирования Санкт-Петербургского государственного университета, был посвящен теме управления талантами и развития соответствующих практик. Исследовательница представила обзор зарубежных научных работ, в которых рассматриваются современные интерпретации концепта «управление талантами». Было отмечено, что в настоящее время понятие «талант» утрачивает прежнюю связь исключительно с высококвалифицированными профессиями. Сегодня этот термин охватывает более широкий спектр уникальных умений и стремлений человека к профессиональной самореализации. Таким образом, акцент смещается с жесткой иерархии профессиональных навыков на индивидуальные особенности и потенциал личности. В условиях кадрового дефицита личные качества и способность работника быть креативным и инициативным — важные компетенции для работодателя.

Доклад кандидата социологических наук, старшего научного сотрудника Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН Константина Александровича Галкина «Возможности, перспективы и барьеры развития профессии социолога-исследователя в эпоху новой социальности искусственного интеллекта», посвященный социологии как профессии, анализировал ее трансформацию в условиях цифровой реальности. Особое внимание было уделено тем

изменениям, которые происходят в практике социологической деятельности с учетом внедрения новых технологий. Были рассмотрены возможные сценарии трансформации профессии: от полного перехода на цифровые методы до сохранения традиционных социологических инструментов с параллельным развитием цифровых подходов. Кроме того, в докладе был представлен содержательный обзор актуальных исследований, касающихся перспектив развития социологии. Затронуты также методологические вопросы, включая критику позитивизма и необходимость перехода к более гибким исследовательским стратегиям.

Последний доклад секции, «Развитие карьерной грамотности как ответ на кадровый дефицит: анализ современных тенденций в профориентации», младшего научного сотрудника Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН Рассоловой Елены Николаевны был посвящен профессии профориентолога — специалиста, играющего ключевую роль в формировании профессиональных траекторий. Было отмечено, что эта профессия стремительно развивается, приобретая востребованность как в образовательных учреждениях, так и в крупных корпорациях. Докладчик акцентировала внимание на важности системного подхода к профориентации, включающего разработку профессиональных стандартов, соотнесение деятельности профориентологов с другими смежными профессиями, а также ориентацию на постоянно обновляющийся «Атлас новых профессий».

В завершение секции были подведены итоги, обозначившие ключевые векторы развития профессионального мира в условиях цифровой трансформации. Особое внимание было уделено вопросам профессиональной ориентации и необходимости создания устойчивой системы карьерной навигации, способной адаптироваться к требованиям современного рынка. Также был сделан акцент на важности непрерывного образования и развития компетенций, соответствующих как профессиональным, так и личностным запросам нового поколения.

Заинтересованность участников секции в обсуждении различных гипотетических сценариев изменений трудовой деятельности и повседневной жизни в условиях интенсивного развития ИИ показала актуальность и дискуссионность этой тематики. Характерно, что высокая степень вовлеченности молодежи и более возрастных работников в процесс цифровизации сочетается с тем, что современные работники пока не ощущают воздействия ее «неуправляемых и необратимых» последствий на трудовой процесс.

Сведения об авторах

Еремичева Галина Васильевна, кандидат философских наук,
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия.
eremag@mail.ru

Меньшикова Галина Александровна, кандидат экономических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия.
menshikova.g.a@mail.ru

Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук,
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия.
Kgalkin1989@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 11.04.2025;
поступила после рецензирования и доработки: 14.04.2025;
принята к публикации: 15.04.2025.

GALINA V. EREMICHEVA,
GALINA A. MENSHIKOVA,
KONSTANTIN A. GALKIN

*None, St. Petersburg University
St. Petersburg, Russian Federation*

**REVIEW OF THE SECTION
“TECHNOLOGICAL SINGULARITY:
REALITY OR UTOPIA, AND HOW YOUNG PEOPLE
CAN SELF-ACTUALIZE IN IT”
ST. PETERSBURG INTERNATIONAL
LABOR FORUM — 2025**

For citation: Eremicheva G. V., Menshikova G. A., Galkin K. A. Review of the section “Technological Singularity: Reality or utopia, and how young people can self-actualize in it” St. Petersburg International Labor Forum — 2025. St. Petersburg Sociology Today. 2025. No. 27. P. 101–107. DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.tzwt-2e60; EDN: WNMWDS

Information about the authors

Eremicheva Galina V., Candidate of Philosophical Sciences,
The Sociological Institute of the RAS — Branch of FCTAS RAS
St. Petersburg, Russian Federation.
eremag@mail.ru

Menshikova Galina A., Candidate of Economic Sciences,
St Petersburg University,
St. Petersburg, Russian Federation.
menshikova.g.a@mail.ru

Galkin Konstantin A., Candidate of Sociological Sciences,
The Sociological Institute of the RAS — Branch of FCTAS RAS
St. Petersburg, Russian Federation.
Kgalkin1989@mail.ru

Received: 11.04.2025;
revised after review: 14.04.2025;
accepted for publication: 15.04.2025.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.0d8k-ez49

EDN: WRHEEM

УДК 316.334.55

МАКСИМ АЛЕКСЕЕВИЧ АЛЕКСАНДРОВ

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия*

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Плюснин Ю. М.

Социальная структура провинциального общества.

М.: Common Place;

Фонд социальных исследований «Хамовники»,

2022. 448 с. ISBN 978-5-6046947-6-3

Аннотация. Монография Ю. М. Плюснина «Социальная структура провинциального общества» представляет собой обобщение многолетних авторских исследований трехсот провинциальных городов России. Ученый преследует основную цель — исследовать социальную структуру провинциальных обществ, которая включает в себя принципы и механизмы их взаимодействия с учетом конкретных характеристик каждого региона. Методологической рамкой исследования выступают феноменологический подход и метод структурно-функционального анализа. Основной упор при сборе эмпирических данных автор монографии делает на включенное наблюдение и интервью.

Ключевые слова: провинция, сообщество, социальная структура, качественная методология

Ссылка для цитирования: Александров М. А. Провинциальные сообщества в современной России. Рецензия на книгу: Плюснин Ю. М. Социальная структура провинциального общества. М.: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022. 448 с. ISBN 978-5-6046947-6-3 // Петербургская социология сегодня. — 2025. — № 27. — С. 108–119. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.0d8k-ez49; EDN: WRHEEM

Монография Ю. М. Плюснина представляет собой весьма трудоемкое социологическое исследование, работа над которым длилась с 1980-х гг. В формате полевых исследований Ю. М. Плюснин изучал провинциальные города России, им было исследовано порядка 300 «провинциальных сообществ». «Провинциальные сообщества» — специфический социологический концепт, формируемый автором для отражения особенных для российского общества образований, которые занимают промежуточное состояние между большими и средними городами, с одной стороны, и селами — с другой. В свою очередь, всякое провинциальное общество представляет собой конгломерат местных сообществ. Ю. М. Плюснин различает провинциальные и местные общества. Провинциальные общества — более широкий тип социальной общности, которое в своей структуре имеет местные сообщества. Если провинциальные сообщества в большей степени выступают как методологический конструкт, то местные сообщества предстают как реальный социальный феномен, отличающийся своими наблюдаемыми социологическими признаками и включающий в себя еще более мелкие образования — общины, формирующиеся по принципам кровного родства и соседских взаимоотношений. Общины выступают в качестве фундаментальной ячейки российского общества, из которой последовательно формируются более крупные социальные общности. Исследование социальной структуры подобных провинциальных обществ России — ключевая цель работы автора. Эта структура включает в себя не только указанные компоненты, но также принципы и механизмы их взаимодействия с учетом конкретных характеристик каждого региона.

Главным трендом в исследованиях социальной стратификации современной России является тезис о все более возрастающей поляризации социальных классов. Многие авторы утверждают, что подобная поляризация формирует риск социальной напряженности. Так, О. И. Шкаратан утверждает, что сегодня в России «сложился своеобразный тип социальной стратификации, который представляет собой переплетение по-прежнему доминирующей сословной иерархии, определяемой рангами во властной структуре, и элементов классовой дифференциации, задаваемой владением собственностью и различиями по месту на рынке труда» (Шкаратан 2012). О. И. Шкаратан опирается на классические объективистские категории социальной стратификации, и, применяя их, он убежден в их репрезентативности относительно российского общества. Однако Плюснин показывает, что за официальными критериями вроде владения собственностью и местом на рынке

труда стоят неформальные отношения и статусы, которые в большей степени отражают реальное положение дел.

Важно отметить, что, с точки зрения Ю. М. Плюснина, процессы цифровизации не трансформируют внутреннюю структуру социальной стратификации России, но лишь дополняют и обеспечивают стабильность существующей. В. Л. Иноземцев видит в процессах цифровизации фактор изменения социальной структуры российского общества, где социальное неравенство только увеличивается за счет возникновения асимметрии в интеллектуальном потенциале граждан. По В. Л. Иноземцеву, эти процессы приводят к отказу от господствующей роли вещных материальных факторов и снимают любые препятствия росту социального и имущественного неравенства. «Будучи порождено не относительно условными и внешними характеристиками вещного богатства, а сущностными отличиями внутреннего потенциала членов общества, новое классовое деление может стать гораздо более жестким, чем в эпоху господства частной собственности» (Иноземцев 2000: 13). У Ю. М. Плюснина же, напротив, цифровизация позволяет членам провинциальных обществ сохранять свое социальное и экономическое положение, свою идентичность и доступ к благам (чаще всего этот доступ является неформальным).

Методологической рамкой исследования выступают феноменологический подход и метод структурно-функционального анализа. Автор часто ссылается на работы С. Г. Кордонского, известного исследователя структуры российского общества. И это не случайно, эти авторы вместе проводили множество исследований, посвященных изучению социальной структуры российского общества. Ю. М. Плюснин берет в качестве фундамента своего исследования идеи С. Г. Кордонского о противопоставлении институционализированной государством структуры социального общества и самоорганизующихся структур, вырастающих из локальных социальных объединений, наличествующих в российском обществе (Кордонский 2009). Подобные самоорганизующиеся структуры С. Г. Кордонским рассматриваются как архаические образования, сохраняющие свою идентичность в контексте различных изменений в государстве и обществе в целом. Ю. М. Плюсниным на эмпирическом материале доказывается это положение в рецензируемой монографии.

В своем исследовании автор использует качественную методологию: включенное наблюдение и интервью. Интерпретация и анализ жизни общества при помощи феноменологического метода позволяют автору усмотреть за этими данными роль социальной

структуры в функционировании провинциальных обществ. Наблюдение Ю. М. Плюсниным проводилось в наиболее значимых социальных объектах, затрагивающих основные сферы жизнедеятельности местных людей — музей и библиотеки, церкви и мечети, школы, местные рынки и супермаркеты и прочие. Интервьюирование же автор проводил с теми людьми, которые считались авторитетными для жителей исследуемых провинциальных сообществ и отлично знали быт, нравы и другие особенности жизни местных жителей. Всякое проводимое Ю. М. Плюсниным интервью затрагивало целый ряд вопросов социальной жизни, каждому из которых уделяется должное внимание. Это как вопросы муниципального управления и отношений с государством, так и вопросы социокультурных и психологических особенностей социальной жизни местного населения. Кроме того, автор вводит документальные источники, официальную статистику и другую эмпирическую информацию, позволяющую получить целостное представление об исследуемом объекте.

Ю. М. Плюсин в своем масштабном исследовании обращается также к множеству признаков провинциальных сообществ и различным срезам их социального существования: экономическому, политическому, культурному, этнотерриториальному и пр. Особое внимание автор уделяет промысловой деятельности и ее роли в формировании провинциальных сообществ, обеспечении социальной консолидации их жителей. Важным положением, которое защищает Ю. М. Плюсин в своей работе, является тезис об отсутствии органического единства среди местных сообществ России. Он отдельно отмечает, что использует термин «провинциальное общество», и оно представляет собой скорее теоретический конструкт, нежели понятие, отражающее реальный, действительный феномен.

Однако вместе с тем понятие «местное сообщество» является отражением действительных признаков исследуемых им социальных образований. Учитывая географические характеристики России и степень коммуникативных связей между отдельными провинциальными обществами, Ю. М. Плюсин делает вывод, что институционально принятые способы обозначения их единства являются лишь идеологическими конструктами («российская нация», «жители провинции», «уфимцы» и другие обороты, употребляемые официальными лицами). Численность местных сообществ насчитывается от 1 до 40 тыс. человек, что позволяет формировать внутри них тесные социальные контакты, где каждый знает о другом не более чем через одного-двух знакомых. По Ю. М. Плюснину, один член такого местного сообщества может

быть лично знаком с числом примерно до двух тысяч человек. Кроме того, в исторической перспективе это единство становится тем фундаментом, который позволяет местным сообществам адаптироваться к меняющимся внешним условиям. Таким образом, выделяя феномен местных сообществ, Ю. М. Плюснин обозначает социальные пределы своего исследования.

Итоговый результат автор книги описывает следующим образом. В структуре провинциального общества присутствуют «квазисостояния», которые определяются неформальными критериями принадлежности к «своим». Эта принадлежность позволяет пользоваться как государственными благами, так и продуктами теневой экономики по факту отнесения к этому кругу. Отсюда вырастает несоответствие между формальными критериями отнесения индивидов к классовой структуре и реальным положением дел.

Устройство жизни провинциального общества оказывает влияние и на жизнь крупных городов. Правящий класс при помощи рентной экономики и развития неформальных отношений с отдельными представителями местных сообществ стремится к сохранению своих предпочтений. Именно неформальный статус жителя провинциального общества определяет его положение. Типы неформальных объединений и связей Ю. М. Плюснин выделяет самые разнообразные: от банд и уличных группировок до профессиональных и религиозных объединений.

Вместе с тем автор утверждает, что формы социальной мобильности между представителями описанных неформальных сословий в провинциальных обществах практически не развиты. К примеру, людям, имеющим судимость или психические расстройства, сложно найти приемлемую работу, а представители высоких экономических слоев, несмотря на стремление подчеркнуть свою статусность через ряд внешних признаков, все равно поддерживают связи с представителями местных сообществ.

Но подобно тому, как предпочтения и доступность «теневой» экономики для жителей провинциальных обществ ускользают от взора официальной социологии, так и методы разрешения споров и конфликтов также зачастую выходят за пределы институционально принятых правил. А если решение этого взаимодействия касается правового поля, то, как правило, его начало было сформировано из неформальных отношений между людьми. Наибольшую угрозу местные сообщества видят в крупных коммерческих компаниях и их индустриальных проектах, излишнем вмешательстве государства в привычный уклад жизни общества или во влиянии крупных криминальных структур.

Примечательно, что местные сообщества не являются простейшей единицей существования провинциальных обществ. Такой простейшей единицей автор называет общины, из которых слагаются местные сообщества. В этом утверждении Ю. М. Плюснин не согласен с общесоциологической тенденцией, говорящей об атомизации индивидов в современных обществах. Для Ю. М. Плюснина атомизация индивидов есть феномен только больших городов, и соответствующие социальные особенности функционирования в больших городах, о которых писал еще Г. Зиммель, оказываются несвойственны для провинциального общества (Зиммель 2002). Общину Ю. М. Плюснин определяет как «группу людей, связанную родством, свойством живущих в одном месте и находящихся в непосредственном взаимодействии» (Плюснин 2022: 27). В этом смысле Ю. М. Плюснин выступает с холистических социологических позиций, видя в общине как таковой, структуру, довлеющую над отдельным индивидом.

Примерно 10–20 общин формируют совокупность деревенских поселений, обладающих исторической, географической и экономической общностью, они и представляют собой местное сообщество. Ю. М. Плюснин отмечает, что подобные сообщества формируются из отдельной общины органическим образом. В течение нескольких поколений община разрастается, формируя тесные социальные связи с соседними общинами и образуя собой местное сообщество. Где-то, например на Дальнем Востоке, множество общин являются переселенцами, не проживавшими на этих землях исторически. Ю. М. Плюснин показывает, что формирование таких общин в полноценные местные сообщества несколько затруднено этим фактором, однако сегодня эти процессы происходят.

Малые города являются центрами для местных сообществ. Однако роль этого центра от одного местного сообщества к другому будет немного варьироваться, от одной провинции к другой Ю. М. Плюснин обнаруживает различные факторы социальной консолидации, обеспечивающие единство местного сообщества. К примеру, на Урале малые города часто концентрируют в себе людей, объединенных общей профессией, а на Кавказе — этническим происхождением. С развитием городов общинная идентичность начинает расплываться и уничтожаться (как некая угроза). Автору удалось показать, что они способны адаптироваться к угрозам и даже извлекать из них пользу для сохранения собственной общины. Современные средства массовой коммуникации часто понимаются как способ преодоления кризиса идентичности. Некоторые авторы даже говорят о феномене глокализации как процессе

интенсивного поддержания коллективной идентичности в условиях всеобщей глобализации. Ю. М. Плюсниным эта тенденция обнаруживается и в местных сообществах, которые используют современные средства связи для самоорганизации в малых городах, для поддержания тех коммуникативных связей, которые сложились в ходе естественного развития общины и ее роста до местного сообщества.

Это лишь отдельные проявления способов социальной организации местных сообществ. Всего Ю. М. Плюснин говорит о четырех способах организации местных сообществ, которые можно встретить в современной России: коммунальность, координация, коммуникативность и общность представлений.

Первый тип характеризует хозяйственную сторону социальных отношений в местном сообществе, где люди объединяются по принципу единства труда и произведенных ресурсов. Второй тип координации связан с объективной необходимостью постоянного согласования действий ввиду хозяйственных, географических и других факторов, определяющих способ выживания общности. Третьим типом выступает коммуникативность. Она может быть выражена в языковых структурах, использовании редких языков, пиджинов, диалектов, а также обостренного альтруистического чувства по отношению к представителям собственного местного сообщества. И, наконец, четвертый тип установления единства в местных сообществах связан с идеологической структурой их общественного сознания, в котором присутствуют общие представления о собственной истории, способах структурирования быта, обрядово-религиозной жизни и других мировоззренческих установок.

В свою очередь, каждый из этих типов сообществ классифицируется Ю. М. Плюсниным на ряд типов. В своей сути эта классификация и отражает социальную структуру российской провинции, расходящуюся на множество признаков. Так, автор различает провинциальные общества по критерию их долгожительству на древние, старые и новые. К древним обществам относятся все те поселения, которые были основаны ранее 1521 г., к старым — основанные в период с 1521 по 1860 г., и, соответственно, новые — в период с 1861 по 1960 г. Кроме того, Ю. М. Плюснин дифференцирует общества по своим пространственным характеристикам. Он выделяет изолированные общества и общества, имеющие природные границы с другими обществами, а также турбулентные, для которых свойственна причастность к важным для государства инфраструктурным сетям, и ординарные общества,

пространственное отношение к важнейшим инфраструктурным сетям страны которых не играет серьезной роли. К этой же классификации относятся и внутренние и внешние типы генезиса общностей, где в первом случае они появляются на территории органическим образом, а во втором — принудительным.

Данная структура, согласно автору, определяет устройство местного центра. Те провинции, планировки которых образуют улицы, являются разросшимися до городов деревнями. Радиально-кольцевой тип устройства города свидетельствует о том, что он изначально формировался как укрепление. Регулярный тип планировки, характерный, к примеру, для Санкт-Петербурга, показывает, что город является важным управленческим центром страны. И, наконец, разбиение местного центра по секторам свидетельствует о его экономическом значении.

Автор заключает, что многообразие типов социальной солидарности сводится к двум основам «бытования» — территории и промыслу. Под бытованием Ю. М. Плюснин понимает сферу повседневного существования местных сообществ, система социальных связей которых формируется на основе локального социального статуса отдельного индивида. Отсюда высокая замкнутость местных сообществ и практически полное отсутствие в их социальной структуре деления на «своих» и «чужих». Сам локальный статус при этом определяется степенью социального признания отдельного индивида среди представителей своей общности. Наличие множества тесных связей, переплетенных различными сферами жизнедеятельности, согласно автору, сигнализирует о весьма высокой степени устойчивости местных сообществ. Этот тезис кажется контринтуитивным, поскольку подавляющее большинство современных социологических исследований говорят о стирании локальных сообществ, уничтожении языкового и этнокультурного многообразия.

Однако сложно будет также сказать, что автор игнорирует эту проблему. Более вероятно то, что Ю. М. Плюснин видит угрозы местным сообществам не столько со стороны глобальных процессов, но и со стороны непосредственно российского государства. Дело в том, что социальное устройство местных сообществ зачастую формирует в себе структуры, которые оказываются «скрытыми» от «официальной» социологии, которая фиксирует лишь процессы самоорганизации в отчужденном от их источника виде.

Основной мыслью текста выступил тезис о том, что архаическая природа общин определяет их скрытность в перспективе российского

общества в целом. Эти архаические структуры российских провинциальных обществ проявляются в соседских и родственных отношениях, формирующих статусную систему включенных в них индивидов. Различные формы совместной деятельности вроде промысловой выступают как материальный базис существования таких обществ. Вместе с тем всякое провинциальное общество России в своей динамике непрерывно сталкивается с угрозами их внутренней идентичности. В связи с этим хозяйственный уклад становится инструментом адаптации к новым реалиям, позволяющим при различных обстоятельствах сохранять свой внутренний фундамент и социальную идентичность. Это демонстрирует весьма гибкий характер провинциальных обществ и высокую степень адаптивности к внешним изменениям. Именно эти устойчивые структуры провинциальных обществ, отличающиеся высокой степенью адаптации, являются наиболее архаичными и наиболее неуловимыми с точки зрения официальной статистики и государственного восприятия этих сообществ.

Кроме того, в работе заметна скрытая критика эволюционного представления развития обществ. Автор исходит из неизменности общественных отношений и структур. Меняется степень сложности этих структур и специфика элементов, однако отношения и связи между ними остаются устойчивыми. На примере российских провинциальных обществ автор демонстрирует эту устойчивость общественных отношений, вокруг которой вырастают адаптивные механизмы по отношению к внешним изменениям. Внешние изменения оказываются неспособными демонтировать социальные отношения в провинциальных сообществах, однако сами сообщества вынуждены непрерывно разрастаться и подстраиваться под все новые реалии общественной жизни. Одним из таких ключевых внешних изменений выступило новое состояние государственности России, начавшееся еще тридцать лет назад. Однако Ю. М. Плюснин показал, что эти изменения фактически не повлияли на фундаментальное ядро местных сообществ. Их механизмы гибкости и адаптации оказываются сильнее, чем мировые и российские потрясения.

Несомненным достоинством этого исследования выступает релевантность используемых автором социологических понятий для описания российской действительности. Терминология западных учений о социальной стратификации оказывается часто неприменимой к российской провинции в силу сохранения сословности российского общества. Эта сословность не является возвратом в доклассовое состояние общества, но выступает в качестве специфического для российской действительности феномена. Это позволяет Ю. М. Плюснину сформировать подлинно

исследовательский труд, который наименее подвержен идеологизации. Отношения власти и общества рассматриваются не через позицию их противопоставления в рамках общей социальной системы и ее внутренней структуры. Сущность этого противопоставления обнаруживает себя в устройстве самой структуры, а не связанных с ней с элементов.

Рецензируемая монография крайне актуальна своей теоретической новизной. Такие выделенные автором социальные феномены, как отходничество, промысел, рассеянные мануфактуры, не могут быть рассмотрены вне родственно-соседских отношений и статусной системы и по своей сути представляют собой ядро этих феноменов. Подобная системность позволяет автору проанализировать уникальность каждой провинции, уровень интеграции в сообщество, личный статус и уровень хозяйственной автономии.

Таким образом, работа Ю. М. Плюснина оказывается одной из ключевых для современной социологии. Проведенное им исследование пробуждает интерес к изучению других форм социальных общностей, присутствующих в современной России и отличных от провинциальных. Речь идет как о деревнях и селах, так и о больших городах, социальная структура которых, возможно, также должна иметь фундаментальное и неизменное ядро. Именно это направление исследований может послужить развитием и перспективой для тех идей, которые были отображены в рецензируемом тексте.

Источники

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. — 2002. — Т. 3, № 34. — С. 1–12.

Касабуцкая М. С. Глокализация и особенности межкультурного взаимодействия // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2015. — Т. 206. — С. 205–212.

Кордонский С. Г. Административно-территориальная структура и ее ресурсно-словная природа // Мир России. Социология. Этнология. — 2009. — Т. 18, № 3. — С. 3–38.

Иноземцев В. Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической перспективе // Вопросы философии. — 2000b. — № 12. — С. 3–13.

Плюснин Ю. М. Социальная структура провинциального общества. — М.: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022. — 448 с.

Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность [Текст] / О. И. Шкаратан; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 526 с.

Сведения об авторе

Александров Максим Алексеевич,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия.
aleksandrov.m@hse.ru

Статья поступила в редакцию: 19.03.2025;
поступила после рецензирования и доработки: 15.04.2025;
принята к публикации: 15.04.2025.

MAKSIM A. ALEKSANDROV

*HSE University
St. Petersburg, Russian Federation*

PROVINCIAL COMMUNITIES IN MODERN RUSSIA**BOOK REVIEW:**

Plyusnin Yu. M.

**Social Structure of Provincial Society. —
Moscow: Common Place;**

**Social Research Foundation “Khamovniki”,
2022. — 448 p. ISBN 978-5-6046947-6-3**

Abstract. The monograph by Yu. M. Plyusnin “Social structure of provincial society” is a generalization of many years of the author’s research of three hundred provincial cities of Russia. The scientist pursues the main goal — to study the social structure of provincial societies, which includes the principles and mechanisms of their interaction, taking into account the specific characteristics of each region. The methodological framework of the study is the phenomenological approach and the method of structural-functional analysis. The author of the monograph places the main emphasis on participant observation and interviews when collecting empirical data.

Keywords: province, community, social structure, qualitative methodology

For citation: Aleksandrov M. A. Provincial Communities in Modern Russia. Book Review Plyusnin Yu. M. Social Structure of Provincial Society. — M.: Common Place; Social Research Foundation “Khamovniki”, 2022. — 448 p. ISBN 978-5-6046947-6-3. St. Petersburg Sociology Today. 2025. No. 27. P. 108–119. DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.0d8k-ez49; EDN: WRHEEM

References

- Simmel G. Big cities and spiritual life. *Logos*, 2002, vol. 3, no. 34, pp. 1–12. (In Russ.)
- Kasabutskaya M. S. Glocalization and features of intercultural interaction. *Works of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 2015, vol. 206, pp. 205–212. (In Russ.)
- Kordonsky S. G. Administrative-territorial structure and its resource-class nature. The World of Russia. Sociology. *Ethnology*, 2009, vol. 18, no. 3, pp. 3–38. (In Russ.)
- Inozemtsev V. L. Property in post-industrial society and historical perspective. *Questions of Philosophy*, 2000 b, no. 12, pp. 3–13. (In Russ.)
- Plyusnin Yu. M. Social structure of provincial society. Moscow, Common Place; Social Research Foundation “Khamovniki”, 2022. 448 p. (In Russ.)
- Shkaratan O. I. Sociology of inequality. Theory and reality. O. I. Shkaratan; Nat. research. University “Higher School of Economics”. Moscow, Publishing house of the Higher School of Economics, 2012. 526 p. (In Russ.)

Information about the author

Aleksandrov Maksim A.,
HSE University,
St. Petersburg, Russian Federation.
aleksandrov.m@hse.ru

Received: 19.03.2025;
revised after review: 15.04.2025;
accepted for publication: 15.04.2025.

Научное издание

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ
2025
Выпуск 27

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 — 55387 от 17.09.2013

У ч р е д и т е л ь:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: *И. И. Елисеева*
Научные редакторы: *С. И. Бояркина, К. С. Дивисенко, Н. В. Колесник*

Журнал «Петербургская социология сегодня» включен в базу РИНЦ
Права на материалы, опубликованные «Петербургской социологией сегодня»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без письменного разрешения редакции.
Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации
на официальном сайте журнала: <https://petersociology.ru/ru/about>
на сайте издателя: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=3067
на сайте РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=33540

И з д а т е л ь:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес издателя: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Телефон издателя: 8 499 125-00-79. Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>
Адрес редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14
Телефон редакции: 8 812 316-24-96. Электронная почта редакции: si_ras@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина*. Корректор *А. А. Нотик*. Оригинал-макет *С. В. Красильнюк*. Подписано в печать 12.05.2025. Формат 60×84 ¹/₁₆. Печать цифровая. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 300 экз. Заказ № 122. Свободная цена. Отпечатано в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме», 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40. Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru. www.renomespb.ru